

Александр Щёголев
Свободный Охотник

«Щеголев Александр Геннадьевич»

Щёголев А. Г.

Свободный Охотник / А. Г. Щёголев — «Щёголев Александр Геннадьевич»,

Этот мир странен и необычен. Космос – но без планет и вакуума. Люди, которые обитают здесь, знают об этом пространстве многое – но Полная Карта потеряна и многие Проходы из одной части мира в другую забыты... И лишь Свободный Охотник каким-то чудом находит их, раз за разом уходя от преследования тех, кого он так легко делает своими врагами... Концентрированный технотронный антураж сочетается в этом романе с романтикой рыцарской сказки, не скованный никакими рамками полет воображения – с холодной рациональностью созданного автором мира. «Свободный Охотник» петербуржца Александра Щёголева дает повод говорить о появлении нового направления в отечественной фантастике. Сам автор называет это направление «кибер-фэнтези». Кибер-фэнтези – это магия современных информационных технологий, это новое слово в российской фантастике!

© Щёголев А. Г.

© Щёголев Александр Геннадьевич

Содержание

TURN ON (включено):	5
ENTER (вход)	6
0.	6
1.	10
PAUSE	12
CONTINUE	13
2.	13
3.	16
4.	17
5.	21
PAUSE	23
CONTINUE	25
6.	25
7.	31
PAUSE	33
CONTINUE	35
10.	35
11.	37
PAUSE	43
CONTINUE	48
12.	48
13.	51
14.	56
15.	61
16.	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Щеголев Свободный Охотник

или

Кибер-фэнтези

«Цифры меня всегда почему-то угнетали».

Дж. К. Джером

TURN ON (включено):

Мы познакомились с ним в сентябре. В день, когда председательствовала Венера, виртуальный диск которой возвратился в свой дом после полугодичного путешествия. В день, когда Князь Форматов, повелевающий признаками и адресами, покровительствовал всем безумцам. Иначе говоря, была пятница.

Он позвонил в дверь – я открыл. Он спросил:

– У вас на руке четыре пальца или пять?

Ни «здрас-сте», ни «простите за беспокойство», ни чего-либо другого, по-детски неуклюжего. Пацану на вид четырнадцать-пятнадцать, и начинает разговор со взрослым мужиком с таких вот милых шуток. Это надо смелость иметь, я же понимаю. Тем более, я только что привел ребенка из школы и должен был снова уходить на работу.

– На которой? – уточнил я и показал ему обе руки сразу.

– И на той, и на другой, – ответил он. – У меня, например, четыре. А у вас?

У него, разумеется, было по пять пальцев на руках. Вообще-то я стараюсь не грубить детям без причины, это всегда возвращается к тебе же, а потому предложил:

– Давай пересчитаем.

И он пересчитал. Большой палец – нулевой; указательный – первый; и так далее. Мизинец – четвертый. Получилось четыре пальца. Я засмеялся и спросил, чего ему все-таки нужно. И тогда он начал объяснять...

Я пригласил парня в квартиру, потому что серьезные разговоры на лестнице не ведутся. Хотя, если честно, запросто мог захлопнуть дверь перед его носом. Разряд-хранитель уберег меня, дал мне терпение. Я усадил его обедать рядом со своей дочкой, разогрев еду на всех. Вот так и началась наша с ним история.

Или эта история началась позже, когда я вспомнил, что у меня действительно четыре пальца на руке? Или еще позже, когда мальчик ушел, оставив мне только свое бессловесное тело?

Он нашел Вход, показал, как открывается дверь. Психиатры, конечно, любят и умеют пугать людей, раздавая диагнозы вроде: «Острой психотической реакции» или «Синдрома Кандинского-Клерамбо», но вовсе не это останавливает меня, чтобы уйти вслед за ним.

Только одно меня останавливает – в его мире нет Бога...

ENTER (вход)

0.

...Он приближается. Оознавательных знаков нет. Свой или чужой? Начинает пульсацию – условленным кодом.

Все в порядке: можно покидать убежище, можно раскрывать себя. Навстречу безликой капсуле – к разлому в черном куполе. Корабль класса «Универсал» торжественно выползает из месива мертвой пластмассы, дает ответный импульс, включает бортовой знак «Плюс». Разоренные ангары остаются под брюхом.

Вокруг бывшее Депо – одно из сотен, – кладбище брошенных оболочек, каверна в большом теле Метро. Хорошее место для тайных встреч! Множество Узлов вокруг, в том числе межфрагментарных, множество Тоннелей, стянутых в эту точку пространства. Нищий, никому не нужный Фрагмент Галактики, в котором все ценное, что создано цивилизацией, сгнило еще до войны, который бессмысленно атаковать, равно как и защищать... Бортовая система безопасности непрерывно сканирует окрестности в тщетных попытках отыскать хоть что-нибудь движущееся. Пусто. Время, проведенное в ожидании – среди вскрытых, спрессованных в гигантские комья оболочек, – также позволило удостовериться, что никто не проявляет интерес к здешним трупам. Все в порядке.

– Приветствую тебя, Ласковый, – говорит человек. – Я восхищен, ты прибыл с точностью до сотысячной.

Декодер фиксирует ответ гостя:

«Добра тебе, великий гип. Счастья тебе, здоровья...»

– Перестань, – морщится встречающий. – Какой же я «великий гип»?

«...и вечных побед, – заканчивает вновь прибывший. – Ты обязательно станешь великим гипом, я знаю, не пройдет и Единицы, как ты станешь гипом всего Метро».

Трудно привыкнуть к манерам этих тварей. Прирожденные убийцы, наполненные нескончаемым горем трехмерное пространство. Яростные бойцы, раздавившие множество могущественных родов, подчинившие за каких-то пятнадцать биологических Единиц все Фрагменты, куда успели просочиться их капсулы по внепространственным волноводам-Тоннелям. И в то же время – наивные, идиотически чувствительные. Стремящиеся быть изысканно вежливыми. Дикари, к которым нельзя относиться всерьез. «Голый Народ». Смешно...

– Разумеется, я буду самым главным из гипов, – смеется человек. – Хорошо, что ты не сомневаешься в этом, Ласковый.

«О да. Ты дашь мне одежду, когда будешь Генеральным», – спокойно напоминает шпион. Он и правда не сомневается.

– Я дам тебе достойную одежду. Это так же верно, как и то, что Галактика стоит на Восьми Системах.

«У тебя нет более преданного друга, Мастер Узлов. Ты сделаешь меня руководителем отдела пленных».

Хорошо, что декодер не способен передать абоненту презрительную усмешку, ибо Голый Народ – обидчивый народ. Правильно, что изображение в канале связи заблокировано – по соображениям взаимной безопасности... Человек отвечает:

– Будет все, как я обещал. После победы нам не обойтись без твоей помощи, мой преданный друг. Однако к делу. Что заставило тебя покинуть прохладное лежбище в столь неподходящее время?

В самом деле, звероид по имени Ласковый впервые вызвал своего нынешнего хозяина по Всеобщей, запустив в бездны галактического Метро кодированный зов. Не дождался планового сеанса, и это очень интересно. Потому что Ласковый – шпион. Он действует среди врагов, собственно, он сам – бывший враг, полноценный представитель Голого Народа, он хорошо знает, чем встреча может кончиться, и все-таки, и все-таки...

«Да простит меня великий гип, я подверг его риску».

– Мы оба понимаем, кто из нас рискует больше.

«Мне меняют капсулу на новую. Очень скоро, через три-четыре тысячных».

– Ну и что? – удивляется человек.

«Старую капсулу заберут, – терпеливо объясняет шпион. – Вот эту, где я сейчас. Могут отправить на переработку всю целиком, а могут перемонтировать систему, система-то хорошая. Надо срочно очистить бортовую память, чтобы ничего не обнаружилось».

Собеседник наконец понимает:

– Что же такое ты сумел переписать, если пришлось бортовую память задействовать?

«То, что ты просил, Мастер. Оперативные карты Первой Атаки.»

– Первой Атаки?

«Самой-самой первой, – без выражения подтверждает декодер. – Информация архивирована пятнадцать Единиц назад, архив вскрылся по ключевому слову „Узор“.»

Карты Первой Атаки. Боевая реликвия врага... Не может быть. Неужели удача повернулась к воину лицом? Столько сил потрачено, столько времени... Капитанский кокон содрогается: человек едва не вскакивает. Маска жестко обхватывает лицо. «Не может быть...»

– Открыть мультиплексор, – звучит команда.

«Канал открыт, – включается система. – Старт. Стоп. Есть информация. Есть контроль. Конец».

Свершилось.

«Информация сброшена, гип, – говорит звероид. – Ты будешь доволен, гип».

«– Я пока еще не гип, – человек опять смеется. – Но я буду доволен, если ошибки нет. Объясни-ка мне теперь, откуда это у тебя?»

Декодер объясняет:

«Ошибки нет, Неуловимый. Был праздник. Господин стаевый решил, что наша стая должна посетить Музей Славы. Мы все получили Нить маршрута и отправились, ведомые господином стаевым...»

– Вы отправились в штабной Фрагмент? – напрягается человек.

«Великий гип меня в чем-то подозревает? – живо откликается аппаратура связи. Ясно, что на том конце произошел маленький взрыв эмоций. – Если бы я узнал маршрут в штабной Фрагмент, разве пришлось бы мне тогда дезархивировать карты Первой Атаки? Разве не отдал бы я эту информацию своему непобедимому хозяину?»

– Извини, Ласковый, неудачный был вопрос. Где расположен ваш Музей Славы?

«Музеи все одинаковые, в каждом Фрагменте есть. Музейную сеть недавно открыли, по личному распоряжению... ты понимаешь, кого... не хочу называть имя...»

– Понимаю. Его называют «Гладкий», не так ли? Видишь, я не боюсь произносить это имя вслух.

«Твоя храбрость безгранична, хозяин».

– А какой праздник у вас был?

«Господин стаевый закончил линять».

– Торжественное событие! – соглашается человек.

Он не хохочет, нет. Он справляется с короткими спазмами веселья. Только беззвучная усмешка позволена, только спокойная ирония. Декодер не воспринимает иронию – какая удача.

– Представляю, что за праздник у вас, когда заканчивает линять тот властитель, чье имя ты не любишь произносить.

«Он никогда не линяет, – возражает шпион. – Он приказывает стричь себя целиком. Не оставляет ни волоска, чтобы носить одежду. Он носит одежду. Он делает все, что пожелает».

– Не завидуй ему, друг. Я разрешу тебе стричься наголо, и тогда ты тоже сможешь носить одежду. Впрочем, я прервал твой рассказ. Итак, вы отправились всей стаей в Музей. Что затем?

«В одном из смотровых пузырей, в пузыре информационной тактики, хранятся документы, относящиеся к началу войны. Документы были даны либо в изложении, либо в виде названий. Когда я обнаружил, что информация о Первой Атаке все-таки существует, я сразу вспомнил твою главную просьбу, Неуловимый. Я всегда огорчился, что не могу помочь тебе в главном. Оперативные карты Первой Атаки оказались секретны, было открыто только имя архива. По имени, без полной спецификации, отыскать архив невозможно, кроме того, дезархивация наверняка защищена. Я решил познакомиться с первым инженером Музея, который лично водил по пузырям господина стаевого. У меня ведь положение в стае особенное, ты же понимаешь, хозяин, я могу знакомиться с кем угодно. И как раз я подслушал, что первому инженеру разрешили отдыхать дома, на Мерцающих Усах. Его наградили, включили в группу спящих, а переброска состоится через половину сотой. Он громко хвастался господину стаевому... Представляешь, Неуловимый – домой! Как давно я не был дома, как давно я не спал на настоящем дереве...»

Декодер замолкает.

– Если ты захочешь, я сделаю тебя своим заместителем на Мерцающих Усах, – находит собеседник нужные слова. – Но не раньше, чем мы победим.

«Прости, гип. Я забыл сообщить, что к тем информационным блокам, которые ты переписал, добавлен подробный отчет. Рассказывать дальше?»

– Очень хорошо, Ласковый. Нет, не надо повторяться. Есть ли в документах ответ на главный вопрос? Ты уже просмотрел оперативные карты?

«Первая Атака началась в одном из гипархатов Пустоты».

– Значит, все-таки Окраина?.. Гипархатов Пустоты больше сотни, из какого именно?

«Со стороны больших цифр Плюсовой Координаты. Гипархат номер сорок семь.»

– Как? – переспрашивает человек. – Что ты сказал?

Номер сорок семь. Но ведь это... это...

Невероятно, невозможно. В голове – космическая буря; в груди – космический холод. Номер сорок семь. Почему, как такое может быть? Шпион не успевает послать какой-либо ответ: бортовая система взрывается сигналом тревоги. В отслеживаемую зону вползают враги.

Яркие точки растекаются по всем координатам, стремительно занимая Узловые траектории. Много. Стая.

«Спаси, хозяин! – оживает декодер. – Не бросай!»

– За мной! – командует воин. Он вновь спокоен, он мгновенно возвращает себе уверенность и вселенское презрение. – Повторяй мои движения! – командует он Ласковому.

«Универсал-Плюс» стартует. Искалеченные оболочки всевозможных конфигураций мелькают вокруг. Капсула без опознавательных знаков торопится следом, повторяя маневры хозяина в точности, причем, отстает, отстает, отстает. На противоположной стороне свалки есть Вход-Для-Всех, конечная цель прыжка. Это центральный Вход в Депо, который никем не охраняется, ни людьми, ни звероидами. Выскочить сквозь него в трехмерку, чтобы затем снова нырнуть в Метро – через технический Вход в один из курьерских Кольцевых Тоннелей – очень простой план. Траектория введена в память заранее. Потому что план вынужденного бегства (как раз на такой непредвиденный случай) придуман давным-давно, с тех пор, когда эти трущобы были выбраны местом для тайных встреч. Вот и маяк – неустанно пульсирует, обозначая траекторию выхода. Свалка остается позади. Но под черным куполом уже появляются свер-

кающие точки, враги выныривают из Узлов целыми звеньями: двойками, четверками, десятками, – враги падают в зону прямого удара, включая боевые призмы. Что вы здесь делаете, твари? Кто вас навел – не Ласковый же, не самоубийца же он? Поздно! Вы как всегда опоздали! «Универсал» уходит, уверенно поймав траекторию «на маяк».

Защитное поле включать нельзя, иначе не вписаться в искривление. А рассеиватели врагов уже работают вовсю, беспорядочно разлагая по спектру оборудование Депо. И вспыхивает на пересеченных плоскостях удивительная радуга, и декодер внезапно переходит в текстовый режим: «Меня отсекают, хозяин!»

Ласкового сзади нет – не выдержал, повернул обратно к свалке. Пытается спрятаться среди висящих в неподвижности черных клякс. «Повернуть за ним? – мечется мысль. – Помочь, спасти?..» Бесполезно. Капсула шпиона появляется вновь, салютуя полным комплектом опознавательных знаков, и скользит навстречу стае, сотрясая Всеобщую паническим воплем: «Пощады! Я свой!»

Нет, твари не шадят предателей – вспыхивает новая радуга, все кончено...

Все кончено: Депо исчезло. Вокруг – ничего. Включается система безопасности движения: нужно притормозить, впереди контрольно-пропускной турникет. Система связи предупреждает: поступило требование об оплате, стоимость прохода через турникет – десять монад. Забавно. Автоматика Входа работает, как ни в чем не бывало, будто и не разорван на две части гипархат Входов, автоматика живет, всеми брошенная – обложив данью это гниющее кладбище. Да, инженеры из гипархата Входов создавали свои объекты на совесть. Интересно, кому отсюда поступают средства, людям или звероидам?

«Минус десять монад, – тут же реагирует цезиевая касса. – Проход оплачен».

«Минус погибший друг, – мысленно дополняет герой, – вот истинная цена, которую пришлось дать за спасение». Кто теперь заменит Ласкового? Горько. Тем, которые пытаются догнать вырвавшийся из ловушки «Универсал», также придется платить – по десять монад с каждой капсулы. И еще по десять монад за пользование оболочками. Однако это слабо утешает, потому что цены несопоставимы.

И все же истинную цену враг заплатит непременно – когда будут проанализированы карты Первой Атаки, когда будет получен ответ на главный вопрос, когда Хозяюшка объяснит, какое твари имеют отношение к гипархату Пустоты номер сорок семь! А если Хозяюшка не сможет ничего объяснить? Но ведь таких совпадений не бывает...

Впрочем, все это позже. Скорость, и только скорость, чтобы в очередной раз опередить зло. Полет в трехмерном пространстве до ближайшего технического Входа продлится чуть меньше одной тысячной. Затем – прыжок в Кольцевой Тоннель, и герой бесследно растворится в бортовых системах преследователей.

Вперед! Турникет открыт...

1.

...и уже висит под бортовым информационным куполом спираль Галактики, разбитая красными трассами на Фрагменты, и Космос черно-белой бездной раскрывается навстречу. И крутится далеко позади лазерный клубочек маяка, обозначая Вход-Для-Всех. Однако станции общего пользования не интересуют человека, лежащего в коконе управления, особенно в тех Фрагментах Галактики, которые контролируются звероидами. Зачем рисковать?

Он надевает боевую маску и включает бинокляр. Информационная подкладка, замкнутая на карту Фрагмента, срабатывает четко – в нахлобиченной картинке ясно различим гигантский хобот Тоннеля, невидимый ни глазу, ни какому-либо прибору. Обнаруживается технический Вход, через который аппарат класса «Универсал» совсем скоро покинет трехмерное пространство. Человек удовлетворенно кивает сам себе и дает команду на совершение маневра.

Боевая маска выдает информацию: начало траектории Входа. Выдвигается загубник, приглашая глотнуть стимулятор – для стабилизации психических параметров. Микро-неточность, и вполне можно проскочить сквозь Тоннель, даже не заметив его. Тоннель – это сказка, это призрак, подвластный лишь Истинным. Простые смертные пользуются Входами-Для-Всех и траекториями «на маяк», ибо большую часть технических Входов ни люди, ни твари контролировать не способны. Обнаружить такие вещи можно либо случайно, либо при наличии карты. Не просто карты, а Полной Карты. Однако Полная Карта Метро, как известно каждому мальчишке, есть не более, чем легенда. Легенда, которая гораздо удивительнее слухов о Неуловимом воине. От Полной Карты, как известно, остались только жалкие, нестыкующиеся друг с другом осколки, разбросанные по Фрагментам.

Мастер Узлов, разумеется, запасся осколком, отражающим этот Фрагмент, поэтому его корабль надежно вписывается в технический Вход. Космос вновь исчезает. Впрочем, для Космоса корабль также перестает существовать. Не отвлекаться! Система безопасности движения предупреждает: замедлиться, Тоннель занят. Кем? Увидим. Сюрреалистическая пасть продолжает широкими глотками вбирать в себя инородное тело, помеченное сияющим знаком «Плюс». Чтобы двигаться, оболочка не требуется – героический «Универсал» вполне пригоден для прыжков в этих призрачных волноводах, невообразимой паутиной опутавших Галактику. Метро принимает своего незаконнорожденного сына. Покой...

Нет, нельзя расслабляться! Тот, который впереди – враг: включил защиту, испугался, что получит пинка. И вдруг выясняется, что сзади тоже враг – торопится, не отстает. Случайность? Или засада, поставленная возле расшифрованного технического Входа? Поздно разбираться. Глотнуть стимулятор и принять ручное управление в полном объеме.

Информационная подкладка старается, отслеживает маршрут. Приближается Узел ветвления, знаете ли вы об этом, твари? Может, и знаете. В любом случае – придется с вами разойтись, хотите вы или не хотите. Передняя капсула тормозит, будто бы собираясь остановиться, тем самым давая задней возможность прицелиться получше. Вы опоздали! Микро-миг – и траектории разомкнулись. «Универсал» исчез в Узле, а враг проскакивает мимо – ага, нет у вас карты, ни Полной, ни даже осколочка! Как все просто...

Человек снимает маску. Замкнутому миру корабля открывается его лицо: совсем еще молодое. Застывшее, без малейшей тени улыбки. Юноша лежит в капитанском коконе, готовый к драке, юноша так и не научился радоваться победам, прожив двадцать биологических Единиц. Ведь кроме него на корабле никого: боец-оператор, лоцман, капитан – он был всеми в одном лице. Молодой человек не имел права ошибаться, потому что истинное имя ему – Свободный Охотник.

Этого имени Галактика не знала. Этого имени не знал пока никто. Придет ли время открыться, сбросив с лица покрывало ненавистных тайн?

Боевая маска, оторванная от хозяина, оживает самостоятельно. В зону безопасности, отслеживаемую системой, вползает вражеская капсула – опять сзади, опять подло, – и тогда юный воин решительно будит свой задремавший корабль...

PAUSE

Мне объяснили, что к чему, расставили мозги по местам. Счастье, когда в трудный момент жизни обнаруживается знакомый, знающий ответ на твои вопросы. Александр Ильич работал психотерапевтом в детской поликлинике (поликлиника входит в число объектов, которые я обслуживаю), и этот человек единственный, который сумел нам помочь, вернее, сумел понять. После того страшного случая мы обращались к нескольким специалистам... хотя, что теперь сопли по лицу размазывать?

Нужно различать невроз и психоз.

Невроз – это болезнь здоровых людей. Причина кроется в расстройстве взаимоотношений личности – с самим собой и с окружающим миром, в неверной оценке своего состояния. Существует три типа психологической картины неврозов. Первый: «Хочу, но не могу. Хочу, но не справляюсь.» Человек задает себе цели, которые ему не по силам, карабкается и падает, карабкается и падает. Это неврастения. Второй: навязчивые состояния, суть которых заключена в формуле «хочу, но сомневаюсь, хочу, но вдруг не получится?» Для таких людей простой выбор товара в магазине превращается в муку смертную, а вечный образ не выключенного утюга или чайника не позволяет отдалиться от квартиры дальше одного квартала. Наконец третий – истерические неврозы. Здесь логика диаметрально противоположна: «Хочу во что бы то ни стало! Пусть у меня нет ни данных, ни возможностей, но все равно – хочу!» И вот это уже близко к нашему случаю. Потому что такие отношения с окружающим миром хороши для людей сильных, стеничных, если же человек – астеник (то есть слабый), тогда неизбежно появляется склонность к фантазированию. Истерик беспрерывно представляет себя тем, кем он хотел бы быть – в каждой конкретной ситуации, – и постепенно вживается в роль. Причем, фантазер внешне может не производить впечатление истерика, ведь нескончаемая работа воображения идет у него внутри – только внутри.

Подобные вещи растолковал мне именно Александр Ильич, врач-психотерапевт из детской поликлиники.

К чему была эта лекция? К тому, что перечисленные неприятности не имели никакого отношения к мальчику, который появился в моем доме! Он был вовсе не из тех бедолаг, что сами себе мешают жить. Да, его целеустремленность явно превышала норму, так ведь разве это симптом? Полностью отсутствовали даже вторичные черты невротика-истерика – демонстративность, театральность, желание привлечь внимание к своей незаурядной личности. Парнишка не знал ни страхов, ни сомнений, ни истерических желаний, то есть все попытки представить его болезнь чем-то закономерным или даже обыкновенным – пустые попытки. Он был уверен в себе и отнюдь не слаб. Он был гармоничен. Где же тут предпосылки того, что с ним произошло?

И, к счастью, его «болезнь» оказалась заразна. Мальчик появился в одну из бесцветных пятниц одного из бессмысленных сентябрей и сделал мои дни цветными, полными смысла...

Я понимаю – когда фантазия превращается в бред, то это уже не истерия. Невротик всегда отдает себе отчет, кто он и где он. Актер, играющий роль по системе Станиславского, тоже как бы сходит с ума, но лишь на короткие мгновения. Достаточно хлопнуть в ладоши, и все кончилось. Если не кончилось, нужно звать психиатра, это я тем более понимаю. Психоз начинается с интровертированности, ухода в себя, затем придуманный мир вытесняет из головы мир реальный – постепенно, не сразу...

Но только ничего этого не было! Никакой постепенности, никаких уходов в себя. Все случилось вдруг. Внезапно.

Как война.

CONTINUE

2.

Сферобар – это гигантская капля, висящая на стене Тоннеля, это благоустроенный кусок пространства, замкнутый на Вход-Для-Всех. Снаружи – пузыри ангаров, готовые принять корабли любых конфигураций. Внутри – комфорт и покой. Надежность и прекрасное обслуживание, бережно сохраняемое еще с довоенных времен. Это пылинка – в самом центре абсолютно чистого, безопасного Фрагмента Галактики, гражданам которого до сих пор удается сдерживать звероидов по всем Координатам.

Сферобар – это то, что нужно уставшему воину.

Свободный Охотник отдыхает, расположившись в отдельной ячейке. Верный «Универсал-Плюс» дремлет в одном из ангаров на внешней поверхности. Капитанский кокон больше не мешает молодому телу двигаться, а тесную боевую маску уже сменил головной платок с плотной вуалью. Хорошо...

Дружеская беседа легка и спокойна.

– Ты говоришь о том самом тварёнке, который раньше работал на меня? – уточняет хозяин сферобара.

– Его звали Ласковый.

– Мне все равно, как его звали. Хороший был контрабандист, рисковый, но ты перекупил.

– Он сам решил сменить направление деятельности, – возражает гость. – Почувял перспективу, увидел настоящую силу.

– Я помню. Сначала ты отбил эту тварь у их же собственного охранного отряда, а потом у наших, уже здесь. Хотя, наши тебе его добровольно отдали, в знак уважения. Хороший ты парень, трудно тебя не зауважать... (Владелец сферобара улыбается.) Значит, его все-таки прикончили?

– Разложили по спектру. Был корпускулой, стал волной.

– Зато ты, слава Системам, пока что материален. Большая радость твоей Хозяюшке.

– Еще бы. И Системам слава, и Началу Их, и спесивым рабам Их. В общем, всем спасибо за старание.

– Не кощунствуй! (Теперь собеседник укоризненно морщится.) Поживешь с мое, почувствуешь силу Священной Восьмерки... И все-таки я не понимаю, как тебе удастся уходить в таких ситуациях? Ты поистине Неуловимый. Мои парни в один голос твердят, что ты колдун, служишь Носителю Гнева. Что скажешь?

Свободный Охотник не улыбается в ответ. Отворачивается:

– Ласковый был мне другом.

– Сочувствую вам обоим... Какой-то ты выжатый, грустно с тобой общаться.

– Устал.

– Бывает. Пей, это хороший сок, чистейшая полибензокриптаза.

– Пью.

– Давно хотел задать тебе вопрос, малыш. Как ты обнаруживаешь технические Входы? Раскрой тайну, а то парням невозможно стало работать, звероиды совсем обнаглели.

– Входы? Я их вижу.

– Глазами?

– Не знаю, как объяснить... Вижу, и все тут.

– Ну да, ты же колдун, – собеседник вежливо кивает головой. – Межфрагментарные Узлы ты тоже просто видишь.

– Не обижайся, друг. Чем я могу тебе ответить? Похвастаться, что случайно нашел Полную Карту и теперь пользуюсь? Или что возродил священного восьмирука и прячу это древнее божество в своем корабле?

– Нет, сказок не надо. Мне вполне хватает историй про неуловимый корабль, одна нелепее другой, которые я выслушиваю от полутрезвых посетителей. Имей в виду, герой Космоса, скоро я начну записывать легенды о твоих похождениях, запущу их в Хроники и прославлюсь... Ты пей, пей. Я не обижаюсь, малыш. Просто жаль, что гениальное изобретение расстрачивается по пустякам. Я же понимаю, ты каким-то образом перепрограммировал систему безопасности движения, дал ей запредельную чувствительность...

Владелец сферобара смотрит на гостя с любовью.

– У меня тоже есть вопрос, – серьезно говорит тот. – Продолжаешь ли ты поддерживать связи с контрабандистами?

– Ищешь замену своему Ласковому? Понимаю. Опять сманишь лучшего.

– Прошу тебя.

– Я подумаю, что можно сделать.

– Спасибо.

– Пока не за что. Если не возражаешь, вернемся к прежней теме. Я понимаю: технологические секреты такой значимости тебе раскрывать не хочется, так же как и догадываюсь, что вуаль ты носишь не без причины. Поэтому попробую войти с другого входа. Как тебе нравится работа лоцмана?

– Работа лоцмана? Это что, водить кого-нибудь за ручку по Метро, я не ошибаюсь?

– Все верно.

Свободный Охотник презрительно фыркает:

– Продавать богатым бездельникам и мерзавцам разведанные маршруты, большинство из которых оплачено людскими жизнями? Нет, не для меня.

– Юноша, это огромные деньги, ты плохо представляешь, какие. Во-вторых, среди моих клиентов есть очень сильные люди, но не так уж много мерзавцев. И в третьих. Лоцман – уважаемая профессия, с некоторых пор самая уважаемая в Галактике. Я просто хочу помочь тебе по-настоящему, а не всякой ерундой.

– В последнее время многие хотят помочь мне, – откровенно смеется Свободный Охотник. – Вот, например, Многорукий Дедушка из Союза бластомеров...

– Кто это?

– Он же Повар Гной.

– Тебя знает Повар Гной? – вдруг пугается владелец сферобара.

– Кто только меня не знает. Этот негодяй недавно расширил свою организацию до Трех Клонов, и теперь хочет развернуть четвертый Клон – со мной во главе. Ему чем-то приглянулись мои хромосомы.

– Умоляю, не отказывайся сразу.

– Ладно, откажусь не сразу.

– Вот и договорились. И мое предложение не забывай, хорошо? Смотри, наши красавицы специально для тебя стараются, я ведь им шепнул, что сам Мастер Узлов к нам в гости пожаловал. Любая из девчонок счастлива будет узнать индекс твоей ячейки – ты только подмигни мне...

Свободный Охотник, откинувшись в кресле, измученно смотрит сквозь прозрачную плоскость стены. Танцовщицы, сменяя одна другую, дают в центре сферы бесконечное шоу. Он закрывает глаза.

– Расслабься, малыш, – тихо заканчивает владелец сферобара. – Послушайся меня, старика. Кроме как здесь, тебе и негде.

Этих слов никто не слышит, потому что гость уже спит, не найдя сил оторвать затылок от подголовника кресла...

3.

...а зеленый червь все ползет по кристаллу, нет этой дряни конца. «Красивые будут кляксы», – шепчет человек, направляя робот-истребитель в цель. Червь толстый, запросто может раздавить, поэтому – очень осторожно. Спуститься в лабиринт, отсечь кусок, швырнуть трепыхающуюся биомассу вон, в мертвый космический вакуум, и спастись, либо нырнув в свободное ответвление, либо взмыв вверх – таков сюжет. Простой сюжет. Червя перерезаешь, а он тут же склеивается обратно. Поэтому – быстро, второй удар, и прочь его отсюда, этот смердящий кусок! Беспомощное тельце цветным пятном расплзается в черном пространстве. И снова вниз, в тесноту загаженных коридоров. Полет, прыжок, удар, бегство, полет, прыжок, удар... Нет конца отвратительному существу. И вдруг оказывается, что конец близок – рассеянный на множество частей, червяк никак не может собраться в единое целое. Расправляться с отдельными беспорядочно снующими обрубками, попадающими в перекрестие прицела – ни с чем не сравнимое удовольствие...

Перекрестие прицела – это центр мироздания. Знак «Плюс». Потому что «Плюс» – значит возмездие. Именно этот святой знак, заставляющий врагов Галактики трепетать от страха, сверкает на экранированной оболочке. Корабль завис на стационарной орбите – над гигантским кристаллом, бывшим когда-то базой по переработке отходов, – а брошенный к поверхности робот-истребитель действует, мгновенно реагируя на срывающиеся с антенн команды. Влево, влево, вправо, вправо – «плюс». Маневрируя среди кусков гибнущей биомассы, робот-истребитель сражается. «Плюс», – еще раз «плюс», – еще раз...

Суетись, пакость, суетись. Тебе не повезло, место павших занял ОН – да-да, тот самый! – одержавший множество поразительных побед, возникающий неизвестно откуда и уходящий неизвестно куда. Трепещи. Узнали святой знак на обшивке, узнали безжалостную руку?.. «Один готов», – бормочет спящий воин, на миг приоткрывая глаза. Картинка уплывает, сопровождаемая веселенькой мелодией. Возникает новый лабиринт. Новая дрянь, ползающая по шару. Второй уровень!

Теперь червяк красного цвета – более быстрый и гораздо более отвратительный. Он злобно питит и стремительно регенерирует, мало того, он умеет контратаковать. Разряд белой молнии, и робота не стало бы. Но – промах! Поэтому берегись, дрянь, попрощайся со своими преступными отцами. Влево, влево, вправо, вправо, и – «плюс», «плюс», «плюс». Кроваво-красные обрубки, агонизируя, растворяются в черном. Загнанный хищник раздает наугад электрические оплеухи – мимо, мимо, мимо. Жадная голодная ярость, по-хозяйски плескавшаяся в лабиринте, спадает, отступает в бессилье. Головная часть червя мечется в поисках спасения. Поздно! Наперерез врагу, через боковой ход – ударить и остановиться, обманывая чужую примитивную программу, – затем вверх, разворот, и... Конец. Два раза «плюс». Конец тебе, писклявая дура, загаженный мир очищен...

4.

...кулаки воина непроизвольно сжались и разжались.

– Страшновато ты спишь, – раздается голос. – Похоже, юноша, ты и во сне воюешь.

Старик все так же сидит напротив, разглядывая обмякшую фигурку гостя.

«Загаженный мир очищен...» Как бы не так! Свободный Охотник стряхивает оцепенение. Он потерял связь с реальностью всего лишь на несколько предательских мгновений, вот почему его собеседник не успел вежливо затемнить ячейку и удалиться.

– Ты прав, я только что спасал одну планетку, – отвечает гость. – Чуть раньше, правда, это же я делал не во сне.

– Какую планетку?

– Базу по аккумулярованию и переработке продуктов метаболизма.

– Место, где из дерьма халву синтезируют, – усмехается хозяин. – Давно о таких объектах не слышал. Довоенный?

– Судя по кодо-импульсному гербу, который излучала поверхность кристалла, базой владел кто-то из Истинных. Я наткнулся на нее в районе средних цифр по Первой Косой Координате. Сам понимаешь, что стало с хозяевами.

– Да, эти районы кишат звероидами. Что тебя туда занесло?

– Я направлялся на встречу с Ласковым. И вдруг поймал по Всеобщей сигнал-катастрофу. Случайность, конечно...

Свободный Охотник замолкает, вспоминая. Вспоминать нетрудно, поскольку этот последний подвиг случился совсем недавно. Торопясь к старому Депо, он вынужден был в одном из Фрагментов задержаться и даже выйти из Тоннеля в трехмерное пространство. Бой с безмозглыми червями не отнял много времени, однако горек был вкус этой победы! Кого там было спасать, зачем? Мертвый мир, мертвый пластиковый объект. Биокристаллические черви, запущенные туда ворами, убили людей давно – судя по их размерам, судя по лабиринтам, которые они прожрали в оболочке. Если, конечно, после атак звероидов на планете оставался хоть кто-нибудь живой... Жуткое порождение большого разума уничтожено. Бортовой робот-истребитель, сделав дело, чутко дремлет в пусковой камере. Но кому все это было нужно? Не системам же связи, с тупой заданностью передававшим в паутину Тоннелей вопль о помощи?

И все-таки странно, думает воин. Сигнал-катастрофа был обращен к нему – именно к нему! Безадресный зов так и начинался: «Неуловимый, хоть Ты услышь и отзовись, если Ты существуешь...» Конечно, приятно быть легендой. Но ради явной нелепицы аварийно прерывать Нить маршрута, покидать Метро, тратить бесценное время на никчемный бой – просто стыдно...

– Кстати, – продолжает Свободный Охотник, – я подозреваю, что личинки червей были подброшены бластомерами Повара Гноя, которого ты почему-то уважаешь. Нет секрета, кто первый вор в Галактике.

Хозяин сферобара укоризненно цокает языком, понимая эту реплику по своему:

– И все-таки зря ты отказываешься от помощи сильных людей.

Собеседники рассеянно смотрят в центр сферы. Туда, где молодые, светящиеся в темноте тела отражаются в зеркальных стеклах ячеек.

– Мне действительно нужна помощь, – откликается Свободный Охотник, – но совсем другого рода. Из-за этого я и навел на тебя.

– Я тебя слушаю.

– Перед смертью Ласковый передал мне кое-какой документ. Огромной важности документ.

– Политика? – кривится хозяин. – Ты же знаешь, я ненавижу политику. Я всего лишь торговец.

– До войны ты был известным на все Метро лингвистом. Я думаю, лучшим. Если не ошибаюсь, в свое время даже Большой Лоб тебя знал и уважал.

– Да, старый Лоб был великим ученым, в отличие от меня. Может, поэтому я жив, а он убит варварами...

Юный воин, заинтересовавшись, отвлекается от главного:

– Убит? Я слышал, Большой Лоб исчез, когда служба Координации была упразднена. Уничтожил все личные записи, поскольку наследников у него не осталось, а тексты научного характера подарил какой-то своей ассистентке из тогдашней Академии.

Владелец сферобара дребезжит смехом.

– Этой «ассистенткой», юноша, была моя старшая сестра. Моя одряхлевшая красавица... – Он прикрывает глаза, оживляя что-то давнее, сгинувшее в прошлом. – Могу еще пощекотать твое любопытство. Я собственными глазами видел запись последних мгновений жизни старого Лба и утверждаю, что Координатор не просто «исчез», а погиб. Каким образом подобная запись оказалась у моей сестры, я не знаю, но она свято хранила все, что было связано с этим человеком. Через нее, кстати, сопляк вроде меня и смог познакомиться со знаменитым чудаком, так что не стоит преувеличивать мои заслуги в области древнего языкознания.

– Тем не менее, ты первым изучил язык Голого Народа, – возражает юноша. – А теперь регулярно общаешься с контрабандистами на их же языке. Нужна твоя помощь, друг.

– В качестве переводчика? У тебя что, украли декодер?

– В качестве эксперта. Переданные шпионом материалы могут оказаться фальшивкой. Я, конечно, погонял их на своей бортовой системе, привязал документы к местности, сверил Нити маршрутов с моими картами. Вроде бы никаких неточностей... Должен признаться, что я вспомнил о тебе случайно, я ведь домой направлялся, хотел поскорее доставить информацию на базу.

– Логический и вероятностный анализ содержания делал?

– Внутренних противоречий тоже не выявлено.

– В чем моя задача?

– Чтобы ты внимательно прослушал речевые слои. Фальшь, если она есть, должна быть в чем-то неуловимом, в том, что декодеры не воспримут. Документ создан при участии большого числа звероидов. Могли ли они подобрать столько актеров среди простых операторов? Если не ошибаюсь, Голый Народ вообще не признает искусства, причем, гордится этим. Я думаю, опытное ухо такого переводчика, как ты, обязательно отловит, спектакль мне подсунули, или нет.

Владелец сферобара откидывается на спинку кресла, прикрывает глаза и спрашивает:

– Обстоятельства?

– Обстоятельства вполне правдоподобны, если не наврано в отчете. Документ был добыт в одном из музеев, куда Ласковый вместе со своей стаей попал на экскурсию. Наш общий друг сумел познакомиться с первым инженером музея. Он услышал, как господин инженер хвалил стрижку господина стаевого, после чего выбрал момент, когда музейный начальник остался в одиночестве, подкрался и предложил свои услуги. Мол, это ведь он, Ласковый, стрижет стаю, мол, он готов постричь первого инженера перед отправкой домой. Ты, кстати, вряд ли знаешь, кем был мой шпион по должности. Что-то вроде парикмахера... как бы поточнее выразиться?

Собеседник разжимает стиснутые губы:

– В нашем языке нет точного эквивалента этому слову, но я понимаю, что ты имеешь в виду. «Выстригающий». Умелец, который выстригает в шерсти тварей знаки отличия, награды, обозначения званий, должностей, родов войск и так далее.

– Вот-вот. Первый инженер музея, конечно, заинтересовался представившейся возможностью. Чтобы он ничего не заподозрил, Ласковый попросил в качестве оплаты привезти с родины деревянную дощечку для ухода за когтями. В общем, они легко договорились. Сразу после экскурсии инженер пришел в ангары, прямо к Ласковому в капсулу. Он пожелал, чтобы его выстригли «под стаевого», «в полном соответствии», только без наград. У тварей мода появилась – выстригаться якобы начальниками, а дома развлекаться, пугать знакомых. Обман прощается, потому что к возвращению в стаю фальшивые знаки различия полностью зарастают.

– Я тоже имею дело со звероидами, – скупое напоминает слушатель, – и о подобных вещах знаю, так сказать, из первых лап.

Свободный Охотник принимает упрек: он и в самом деле увлекся. Однако эта заминка не мешает ему продолжить рассказ, потому что подробности шпионской операции достойны любого слушателя. Итак...

Пока парикмахер Ласковый трудился, превращая простого музейщика в красавца стаевого, текла неспешная беседа. Ласковый сказал, что музей в целом интересный, особенно пузыри с трофеями или, например, с древним оружием, но, к сожалению, есть и скучные места. Вот хотя бы пузырь информационной тактики, где и смотреть-то нечего. Первого инженера это, конечно, сильно задело, он даже крутиться стал на подстилке, мешать мастеру работать, и, к счастью, он оказался болтлив. Таким образом, удалось кое-что вытянуть. Первое: информация, к которой сеть музеев имеет доступ, на самом деле не столь уж секретна. Высшее командование звероидов считает ее устаревшей, не имеющей стратегического значения, и поэтому, собственно, имена архивов и комментарии было разрешено использовать в качестве экспонатов. Это означает, что закрытые архивы, которые представлены в экспозиции, защищены пассивно, только с помощью систем спецификаций и паролей. Второе: в ведении первого инженера музея находится таблица соответствия, где как раз и собраны имена закрытых архивов вместе с соответствующими им полными спецификациями. Там же указаны и пароли. Это сделано на случай, если вождям Фрагмента понадобится дезархивировать какую-нибудь информацию из музея. И третье: архивы не копируются, их можно только дезархивировать. То есть, к примеру, если бы удалось случайно отыскать нужный документ, не получится переписать его к себе, чтобы потом спокойно попытаться вскрыть. Документ нужно дезархивировать с первого раза, иначе сигнал о неудачной попытке поступит операторам Хранилища...

– Что за информацию украл для тебя Ласковый? – вновь подает голос владелец сферобара.

– Оперативные карты Первой Атаки.

– Хм... Мне это ни о чем не говорит.

– Потом объясню, позже.

– Не надо, ненавижу войну. Ты проверил линию Реального Времени?

– Карты – это же модель, какая там линия времени! К ним, правда, добавлена запись событий, произошедших в действительности. Вот здесь, похоже, мы имеем подлинный документ, потому что контрольный след нигде не прерван.

– Извини, я помешал твоему рассказу.

– Ничего, я слишком многословен, – улыбается Свободный Охотник. Откинув вуаль, он неспешно допивает оставшийся в баллончике сок. – Впрочем, рассказано почти все. Первому инженеру музея очень понравился его новый облик, и тогда Ласковый, чтобы закрепить дружбу, предложил отпраздновать отпуск на родину. Достали валериану и позволили себе слегка расслабиться. Устроили недостойную Голого Народа пьянку. В результате гость проспал начало своего последнего перед отпуском дежурства и, очнувшись, вынужден был в панике активизировать смотровые пузыри музея прямо из капсулы Ласкового, пользуясь чужой бортовой системой. После чего инженер уполз. А Ласковому ничего не оставалось, кроме как

повторить уже сделанные команды, войти в музейную таблицу соответствий, вытащить полную спецификацию карт Первой Атаки, и затем спокойно дезархивировать документ к себе в бортовую память.

– Да, эта тварь достойна уважения, – соглашается торговец. – Ты чем ему платил?

– Валерианой, конечно, как и ты. Хотя, он и без подачек был мне предан, благодарен за то, что я его дважды спас. Мою валериану, как видишь, он для дела использовал.

– Я получал взамен натуральную шерсть, а тебе он никчемные карты подсунул... – Владелец сферобара задумчиво гладит лысину. – Правда, теперь я понимаю, что это была за шерсть. Парикмахер, говоришь. Фу, гадость какая...

Свободный Охотник вдруг хохочет – безудержно, по мальчишечьи звонко.

– Ладно, – хозяин приподымается. – Отдыхать ты не желаешь. Пошли, займемся твоим документом. Заодно попробуем тебя уговорить – вдруг покажешь, какую штуковину ты придумал, чтобы «видеть» Узлы и технические Входы?

Гость бросает прощальный взгляд сквозь прозрачную стену ячейки. Красивые девушки, радующие глаз зрителя своим искусством, были похожи друг на друга, словно появились на свет в результате клонирования. Может, и вправду здесь работают «дети Клона»? Хотя, подобные вещи никого, кроме хозяина сферобара, не касаются. Девушки взволнованы и смущены, они надеются, что легендарный герой Космоса наблюдает за их танцем. Приятно сознавать это. Здесь Неуловимого любят и ждут, именно здесь он мог бы забыться и оттаять... Но не теперь.

В глазах гостя – тоска. Он встает следом за хозяином:

– Ко мне, на «Универсал».

И все было бы хорошо...

5.

...но вот же не везет!

В Узле слияния новая встреча, теперь – с целой вереницей тварей. Конфигурация капсул незнакома. То ли звероиды сами, наконец, начали хоть что-то производить, то ли окончательно разграбили гипархат Транспорта. Размышлять некогда: цепочка врагов в полном составе за спиной. Бить издали они не решатся, потому что каждый не попавший в цель импульс пойдет гулять по Тоннелю, пока не разнесет ближайший Вход-Для-Всех или не наткнется на другую жертву. Тем более, что эти Фрагменты, судя по всему, давно и прочно контролируются тварями.

Вечный вопрос: есть ли у вас карта, мохноухие? Не Полная, конечно, но хотя бы осколок. Сейчас ответ будет получен: прямо по курсу очередной Узел. Разветвляемся, делаем трехузловую петлю, наплевав на всякую безопасность движения, и смотрим. Часть врагов успела перестроиться, повторив фигуру в точности. Зато оставшаяся часть оказалась впереди, мало того, висит в зоне прямого удара. Бей наотмашь, как в тренировочной камере. Сфокусируй «боевую призму», дай чуть-чуть энергии – и нет одного, аккуратно разложен по спектру. Потом нет второго, третьего... Впереди – сплошная пелена, сверкающая всеми красками сразу. Красиво.

Те, которые сзади, не выдерживают, также включают призматические рассеиватели, пытаясь поймать в фокус мчащийся по волноводу квант, и добивают своих же, потому что наглый «Универсал» уже свернул в очередном Узле. Неужели отстали? Да, пусто. Неужели можно расслабиться?

Система безопасности информирует: Узел слияния занят, пропустить поток. Невероятно. Бывает, самый замысловатый маршрут одолеешь, и никого не встретишь. Метро ведь быстро умирает, человеческой жизни вполне достаточно, чтобы увидеть это, но здесь происходит что-то странное... Впереди тоже враги, нет сомнений. Лучше притормозить. Аварийно, до полной остановки. Остановиться и успокоиться. Выждать. Пусть они мирно скользят, куда им нужно, пусть растворятся в сплетении Тоннелей, а мы придержим нашу благородную ярость до лучших времен...

Свободный Охотник тормозит – до полной остановки. Он возвращает управление лоцман-системе, восстанавливая прерванную Нить перемещений по Узлам. Оптимальный маршрут рассчитан заранее, двухмерный индекс конечной точки давным-давно загружен в память. Автоматика будет старательно вести корабль по Тоннелям, тщательно преодолевать искривления Узлов, и герою-воину останется одно – не терять бдительности.

И все-таки, что происходит? Враг будто преследует неуловимый корабль. Сначала в старом Депо – окружили, набросились стаей, едва не сожрали. С тех пор по всем маршрутам, куда ни сунься, обязательно наткнешься на капсулы тварей. Случайность? Или прихоть тех азартных сверхсуществ, по воле которых совершается любое движение в этом мире?

Свободный Охотник скупно усмехается. Пусть суеверные старики поклоняются, кому хотят, а он не боится гнева высших сил! Власть равнодушных Систем, этих невидимых вездесущих духов, не распространяется на грозный «Универсал-Плюс». Тем более, галактическое Начало, придуманное добрыми сказочниками из Центра, не в силах остановить вездесущие. Вот разве что случайность...

Он дает команду запустить прерванную Нить маршрута.

И все было бы хорошо.

Если бы не...

Вскоре, всего лишь тысячную спустя, – изрядно отделившись от гостеприимного местечка, в нетерпении прыгая от Узла к Узлу (домой! наконец домой!), – Свободный Охот-

ник ловит сообщение по Всеобщей. Канал «Метро-Новости» информирует: зверюиды напали на тот самый Фрагмент Галактики, который юный герой только что покинул. Смяв охранные отряды, стая диверсантов проникла по Тоннелям так глубоко, как никогда раньше. Разумеется, отчаянных смертников уничтожили, но прежде они успели добраться до сферобара.

И сферобара в одно мгновение не стало – вместе с посетителями, с обслуживающим персоналом, с друзьями! Словно бы это мирное заведение, посмевшее дать приют неуловимому воину, и являлось целью бессмысленной атаки. Всего лишь тысячную спустя...

Что происходит?!

PAUSE

Возьмем хотя бы его шутку про четыре пальца на руке. Это я вначале подумал, что была шутка. На самом же деле он спрашивал серьезно и вкладывал в свой вопрос очень важный для себя смысл. Какой?

Мальчик разыскивал отца. Настоящего отца, которого никогда в жизни не видел, но о существовании которого знал уже давно. Почему он пришел ко мне? Все дело в адресе. Гость объяснил мне свое появление таким образом: когда последний из мужей его матери (так прямо и выразился, дословно), итак, когда отчим бросил семью, на пике семейного конфликта открылась маленькая часть правды. Увы, не фамилия и не имя настоящего отца – эту информацию мать сыну так и не предоставила. Только адрес. («Вот пусть твой выблядок и отправляется к себе на 10-ю Линию!» – ревел и бил копытом взбесившийся отчим. «А в какой дом, в какую квартиру?» – тут же уточнил находчивый парень...) Вообще, эту часть своей истории он не захотел вспоминать, и я его понимаю. Он съездил на Васильевский остров, нашел указанные дом и квартиру, но выяснилось, что квартира давным-давно была разменена. Сложнейшая цепочка разменов, концы которой теряются в петербургском смоге. Раньше там была коммуналка. Однако мальчик не испугался и не отступил, он поехал по городу разматывать цепочку, и таким вот образом добрался до меня.

Я его спросил:

– Твоя мать знает, чем ты занимаешься?

– Мама умерла, – довольно спокойно ответил он. – Вчера, во время родов.

Я сразу отупел. Вся моя непринужденность и напускная игривость, за которой взрослые обычно прячут неумение общаться с детьми, дала сбой. Как же так? Почему, собственно, он сейчас СО МНОЙ, а не С НЕЙ...

– Там родственников куча, – объяснил мальчик. – Без меня обойдутся.

– А ребенок, что с ребенком? Она родила?

– Нет, мою сестру тоже не удалось спасти.

Тогда-то я и пригласил его к себе в квартиру.

Мы сидели на кухне, обедали. Втроем – я, моя дочка и он. Легкий шок, вызванный его словами (и тем, как просто он их произнес), прошел. У меня было чуть времени поговорить, и вдруг появилось желание узнать все до конца. Дочь вела себя на удивление пристойно – не лезла с глупостями, дала нам возможность обменяться скупыми мужскими фразами. Парень исправно отвечал на вопросы, а свои почему-то перестал задавать. Наверное, понял, что ошибся. Наверное, мечтал привести настоящего отца на похороны и переживал внутри себя неудачу.

Он явно надеялся, что здесь его поиски завершатся. Но, в самом деле, куда мне был второй ребенок, да еще такой, в высшей степени сомнительный? Мне вполне хватало одного, ей-богу. Конечно, при том беспорядочном образе жизни, который я позволял себе в пору молодости, можно было ожидать подобных сюрпризов. И все-таки изложенные мальчиком обстоятельства не давали никакого повода указывать пальцем именно на меня! Да, я жил когда-то на Васильевском острове. Но только не на 10-й, а на 8-й Линии, и не в доме 40 (куда послал его зверюга-отчим), а в 32-м... хотя, достаточно и того, что улица не совпала, верно?

Что касается его странной шутки про четыре пальца, то ситуация разъяснилась. Просто парень психанул (не у меня в гостях, а еще тогда, три месяца назад) и потребовал от матери, чтобы она рассказала про отца. Ну, хоть что-нибудь! И она рассказала ему – будто бы этот человек лишен указательного пальца на каждой из рук. Плюс к тому им была случайно подслушана фразочка из разговора матери с какой-то из ее подруг, когда те, сидя на кухне, трепались за жизнь. Подруга поинтересовалась (примерно такими словами): «И где ж теперь твой четы-

рехпалый друг? Как он, что с ним?» Мать в ответ выругалась, и на том информация иссякла. Короче говоря, четыре пальца на руке – был один из признаков, по которым сирота надеялся распознать своего подлеца папашу. И грустно, и смешно. Досчитай от нуля до четырех – и твоя мечта сбудется...

Если честно, я не рискнул при дочери задавать по-настоящему важные вопросы. Маленькая стервочка обязательно доложила бы все моей жене, и вот тогда стали бы допрашивать уже меня. А я этого не люблю. Кто знает, что могло открыться, копни мы общими усилиями чуть глубже? Например, начни я выяснять точный возраст неожиданного гостя, дату его рождения и так далее. Впрочем, как звали его мать, я, само собой разумеется, выяснил первым делом – еще на лестнице. К счастью, прозвучавшая фамилия ничего для меня не значила – ни ее нынешняя, ни девичья. Эта женщина несколько раз была замужем, и полным списком фамилий мальчик, очевидно, не располагал. Имя также ничего мне не напомнило. Женские имена вообще имеют грустное свойство перепутываться – и те, которые мы обязаны помнить всегда, храня их в горячем сердце, и все прочие. Назойливые, но одинаково пустые женские имена присутствовали в моей стариковской голове всего лишь в качестве шума.

– Тебе надо мамину фотографию при себе иметь, – посоветовал я мальчику, – иначе ничего не добьешься...

Или возьмем его отчество. Если я правильно разобрался в их семейной истории, то мальчик получил свое отчество от предыдущего отчима. Спрашивается, причем здесь я? Ни при чем. Почему же я тогда всполошился, что же меня так зацепило? Что заставило взять его с собой на работу и продолжить расспросы на улице?

Вероятно, упоминание о Васильевском острове.

И еще – сложный многоступенчатый размен коммунальной квартиры.

Наконец, грехи молодости, от которых никуда было не спрятаться...

История моей жизни действительно содержала эпизод с решением квартирного вопроса и всеобщими переездами. Правда, случилось это не двенадцать лет назад, как сказал мальчик, а десять – в тот год, когда у меня родилась дочь. И в коммуналке я долгое время обретался, как раз на Васильевском острове, пусть даже по другому адресу. И статьи моих грешков, записанные в небесном кодексе, были из тех, что не имеют срока давности. Вот почему мы с гостем не могли так просто расстаться.

Уже одевшись, уже выползая из тепла в сентябрьскую слякоть, я вспомнил, что до сих пор не знаю его имени. Только отчество и фамилию. Нелепость.

– Тебя как зовут?

– Да ну... – обреченно махнул он рукой. – Теперь это не важно.

Глупейшее завершение разговора, единственным содержанием которого должна была стать взаимная откровенность!

CONTINUE

6.

Юноша и девушка. Без родителей, без наставников, без слуг. Одни – во чреве роскошного санатория, забытого всеми, и людьми, и нелюдью. Двадцать биологических Единиц – ЕМУ; пятнадцать – ЕЙ. Ровесники войны. Герои...

Санаторий имеет название «Черная дыра». Впрочем, по назначению этот объект не использовался с момента галактической катастрофы, со времен Первой Атаки, с тех пор, как свора хищников разорвала Метро на части. Раньше, в эпоху мира, объект принадлежал какому-то аристократу, который построил все это, не раскрывая себя. Аристократ, очевидно, был из тех, кто погиб с началом войны, рухнул вместе со своим гипархатом в первые же тысячные. К сожалению, аппаратура «Черной дыры» не сохранила ни его имени, ни титула. Так что санаторий идеально соответствует своему названию. В стороне от всего и всех, окруженный незаселенными Фрагментами, спрятанный в скоплении курьерских Прямых Тоннелей, этот объект изначально был организован так, чтобы случайный путник не мог сюда забрести. На миллионы парсек вокруг отсутствуют не только Входы-Для-Всех, но и межфрагментарные Узлы. Этого места нет в сохранившихся картах Фрагмента. Вполне возможно, его не было и в Полной Карте. Таким образом, обнаружить санаторий попросту невозможно. Когда-то здесь прятались от мирской суеты родственники, друзья или иные редкие счастливицы, удостоенные чести быть приближенными к сановному владельцу.

Теперь здесь живут двое. Юный воин и его Хозяюшка. Двадцать и пятнадцать – слишком малый возраст, чтобы познать жизнь в ее безобразной простоте. Они дети, просто дети...

Двое – в комнате Всеобщей. Включен канал обзора, на ковре стоят вазы с фруктовыми брикетами и баллончики с соком, дыхательная смесь ароматизирована хвоей. Уют.

– От маршрута я не отклонялась, – виновато говорит девочка, – шла только по тем Нитям, которые ты мне дал. Чего ты психуешь, не понимаю? Сам же мне информационную подкладку кодировал.

– Она не понимает! – раздражается Свободный Охотник. – Я возвращаюсь, а ее дома нет, хотя еще сотую назад должна была прилететь.

– Гип Связи немного задержал, уже в самом конце. Всякой ерундой.

– Рассказывай.

– Ну, начала с Окраины, с почти-нулевых цифр Первой Косой Координаты, смещаясь по нулям к Минусовой. Вот, отсюда. – Она берет шар настройки, активизируя Всеобщую, и показывает место. – Видишь, точно по твоим маршрутам. Была в гипархатах Пустоты с пятого по одиннадцатый... Ненормальные там люди – живут себе, Тоннели не патрулируют, Узлы не блокируют, капсулами не запасаются. Гипы у них все старые, разговаривать ни о чем серьезном не хотят, только и делают, что турниры по чет-нечету устраивают. Ну, еще молятся, когда совсем нечего делать.

– Кому они молятся, Священной Восьмерке? Или непосредственно Началу?

– Там считают, что «начал» было много.

Юноша кивает:

– Ясно, много-началие доползло и до этого Октаэдра. Катимся в прошлое все быстрее и быстрее. Забавно...

– Да, смешные гипархаты. Дамы всё меня выспрашивали, какие длины рук и ног приняты в моем гипархате. А в трехмерке – вообще... О войне будто не слышали. Короли и президенты

Фрагментов никак базы и крепости поделить между собой не могут... Ой, вру. В Одиннадцатом почему-то было введено военное положение, хотя звероидами там и не пахнет.

– С ними граничит Четырнадцатый, который уже ввязался в войну, – поясняет Свободный Охотник. – Твари раздавили один из Фрагментов, вот здесь, на средних цифрах. – Он также берет шар настройки и показывает. – Так что твари потихоньку просачиваются.

– В Одиннадцатом, кстати, инженеры из безопасности проверяли мою Печать, долго-предолго. – Девочка утыкает тонкий пальчик в перламутровую прядь волос, выбивающуюся из короткой челки. – Даже волосинку вырвали для анализа на Истинность. Микропробу кожи с головы взяли, в том месте, где знак.

– И каковы результаты анализов? – смеется Свободный Охотник.

Хозяюшка вскакивает с ковра.

– Нечего хихикать! – шипит она. – Я Истинная, понял? Моя печать – Печать гипа! Я – дочь гипа!

– Да сядь ты, дурочка, – воин смеется. – Конечно, Истинная, кто же сомневается? Я просто хотел напомнить, чтобы ты была осторожнее.

– Печать гипа нельзя подделать, – надменно возражает Хозяюшка. – Так же, как цветную прядь бесполезно состригать, все равно вырастет не хуже старой. Не беспокойся, я не зря столько времени в учебной ячейке просиживаю.

– Ну-ну, – ободряет он. – Посидела в учебной ячейке и теперь ничего не боишься?

– Чтобы изменить корни волос, – она опять дотрагивается до своей головы, – нужно подделать не только рисунок и химический состав печати, но и расшифровать кодировку перстня. Вот так-то! Кстати, перстень у меня всегда на пальце, если кто-то засомневается.

Она стоит, глядя на воина сверху вниз – обиженная и рассерженная одновременно.

– И вообще, мне надоели твои вечные шуточки, – добавляет она. – «Принцесса без королевства», и все такое.

– Перстень можно заполучить разными способами, например, снять с трупа, – спокойно говорит Свободный Охотник. – Или со взятой в плен жены гипа. Потом приложить к голове новорожденного. И получится симпатичная «дочь гипа», ничуть не хуже тебя. Согласись, инженеры из безопасности обязаны рассуждать похожим образом.

– Чтобы поставить Печать новорожденному, сначала нужно приложить перстень к собственной голове! – кричит девочка. – А моя мать... Разве ты забыл? Зачем ты так, ну зачем!.. – Она закрывает лицо руками.

– Перестань, глупая. – Молодой человек приподымается, тянет ее на ковер. – Иди сюда, садись. Не шучу я, как ты этого не понимаешь? Тебя легко могли заподозрить в том, что ты не принадлежишь к кругу Истинных и что на самом деле ты шпионка. Если не тварей, то какого-нибудь воровского Клона из Центра. Не забывай – твоего гипархата не существует уже пятнадцать Единиц, а в Галактике не осталось ни одного человека, который бы помнил тебя с младенчества. Поэтому я прошу – носи с собой комплект семейных записей постоянно, как бы ни было тебе больно, и запись завещания твоей матери носи, и тем более запись ее гибели. Ситуация резко изменилась, Хозяюшка, ты просто многого не знаешь.

Дочь гипа покорно садится рядом с ним. Она уже вовсе не надменна и не разгневана. Маленький, усталый человечек. Она обнимает героя за плечо и тихонько говорит:

– А задержалась я потому, что гип Связи просил меня войти в его род. Предложил мне одного из своих сыновей. Я же не могла сразу отказать, правда? Это неприлично, я должна была подумать, ну хотя бы одну сотую времени.

Свободный Охотник притягивает ее к себе, нежно гладит по голове, стараясь не тронуть Печать.

– Неужели ты им отказала?

– Конечно.

– Почему?

– А ты что, не понимаешь?

Хозяюшка стремительно краснеет.

– А ты что, не понимаешь, – передразнивает ее Свободный Охотник, – что сможешь выйти замуж только за Истинного? По-моему, зря отказалась.

– Дурак, – лицо девочки почти пылает. – Ну и подумаешь. Значит, я никогда ни за кого не выйду замуж.

– Надо же, такой человек предложил тебе свое имя и свой дом, – задумчиво продолжает герой. – Это хорошо. Ты не представляешь, как это хорошо. Несмотря ни на что, тебя все-таки признали, тебя впустили в высшее общество.

Девочка долгим взглядом смотрит на Свободного Охотника – серьезно, глаза в глаза. По-взрослому.

– Пока ты не снимешь этот дурацкий платок и не покажешь мне голову, я плевала на всех Истинных, вместе взятых, – неожиданно говорит она. – Я бы и Генеральному отказала, понял?

– Не трогай! – рывком отодвигается тот. – Убери руки!

– Ну почему ты все время какими-то жуткими тряпками обматываешься? А то даже вуаль зачем-то набрасываешь...

– Сколько раз объяснять? Шрамы там, болячки, некрасиво там. Спать потом не сможешь, не для девчонок это... Кстати, в учебной ячейке тебе объяснили, сколько Единиц тому назад из Метро вышвырнули последнего из Генеральных?

– Отстань.

– Ответ неверный. Учи историю получше, чтобы не бояться приставаний со стороны призраков.

Она отворачивается, кусая губу:

– Если ты не Истинный, то я... я не знаю, что тогда...

– Не будь душой! – сердится Свободный Охотник. – Хватит! Ты выполнила мое задание?

– Прости... Старые гипы взяли запись, которую ты для них приготовил, но они очень смешные, они, наверное, просто не хотели меня обидеть, поэтому и делали вид, что «обязательно изучат эту важную информацию». А коды своих личных каналов связи дали мне сразу, без вопросов. Мол, какой пустяк, малышка, подключайся к нам в любое время. Если ты будешь с ними общаться, имей в виду – эти раздувшиеся пузыри не хотят слышать, что дела Галактики плохи. Зато в Одиннадцатом гипархате Пустоты было все наоборот. Меня сначала долго не пускали к гипу, а потом уже сам гип выпрашивал, зануда, кого я представляю. В общем, код личного канала он не дал, хотя, твое послание просмотрел при мне. Сказал, приезжайте еще, но с кем-нибудь постарше.

Свободный Охотник удовлетворенно кивает:

– Правильно. Скоро я тебя отправлю по Второй Косой, так что готовься. А на обратном пути снова заглянешь в Одиннадцатый. Сознаешься гипу, что код закрытого канала связи нужен не кому-нибудь, а Неуловимому, который желает вести с ним секретные переговоры. Предмет переговоров – только по закрытому каналу. Чтобы у них не возникло искушения держать тебя в гостях дольше, чем нужно, покажешь им карту их же гипархата. Пусть у бедняг глаза повываливаются от страха. Я тебе все подготовлю... Что дальше?

– После Окраины я пошла к средним цифрам, по Косой. Короче, в гипархат Связи, как ты просил. Гип меня ждал, встретил с такими почестями, что просто жутко. Он сказал... – девочка прикрывает на миг глаза, сосредотачиваясь. – Сказал, что друзья Неуловимого – его друзья. Сказал, что понимает и приветствует меры предосторожности, которые ты придумал. Твое предложение о встрече рассмотрено и принято, но у его инженеров безопасности есть какие-то уточнения. Они передали тебе специальную запись. Потом с его сыном меня познакомили...

– Запись осталась на твоём «Универсале»?

– Сам возьмешь, – бархатные губки капризно кривятся. – Про сына, значит, не интересно? Тогда вот тебе еще сплетня. Там у них, оказывается, живет гип Транспорта, причем, с семьей и со свитой. Успел удрать от тварей, повезло. Меня ему представили. Он не старый, совсем недавно принял титул от отца. Гип Связи подарил ему целый Фрагмент, и теперь гипархат Транспорта тайно восстанавливается, представляешь? Они даже разрабатывают новые образцы оболочек!

– Гип Связи – сильная фигура, – рассеянно соглашается Свободный Охотник. – Одно то, что Всеобщая до сих пор работает без сбоев... Натэ, пожалуйста, канал «Метро-Новости» до сих пор жив, несмотря ни на что!.. – Он бесцельно крутит в пальцах шар настройки, переключая мультимплексор с режима на режим. – Хорошо, что гип Связи не отказался от встречи. И хорошо бы нам с ним прийти к соглашению... В общем, спасибо, Хозяюшка, ты превосходно справляешься со своей ролью.

Свободный Охотник, придвинувшись, обнимает ее за плечи.

– Я не актриса, я не играю роль, – гордо сообщает она. – Я дочь гипа.

– Еще какая дочь! – улыбается он. – Знаешь, о чем я все время думаю? Слушаю тебя, а сам думаю, думаю...

– О чем?

Он колеблется, прежде чем сказать..

– Я думаю, пора тебе становиться взрослой.

Девочка вдруг напрягается. Вдруг снова стыдливо краснеет – куда быстрее прежнего.

– Что ты имеешь в виду? – мучительно выдавливает она.

Очевидно, поняла его слова как-то по-своему. Очевидно, приготовилась к чему-то – волнующему, пугающе серьезному, но давно ожидаемому.

– Ситуация действительно резко изменилась... – Свободный Охотник все еще не решается. – Если честно, я никогда не говорил с тобой о самом важном, ведь не больше десяти Единиц тебе было, когда ты прилетела на эту базу... малолеткой ты была... да и сейчас всего пятнадцать... – Он произносит слова еле слышно, словно советуясь с самим собой. – Правда, я в пятнадцать уже не меньше стаи разложил по спектру...

– Не бойся, в обморок не грохнусь, – говорит Хозяюшка. – Давай сюда свои тайны. А я почему-то подумала...

Она уже расслабилась, сидит разочарованная и потухшая.

– Что подумала?

– Не твое дело. Я и так взрослая, если хочешь знать!

Он внимательно осматривает ее – всю целиком. И тоже вдруг смущается:

– Что за глупости у тебя в голове! Я только хотел спросить, ты когда-нибудь слышала такое название – Мерцающие Усы?

– Мерцающие Усы? Нет. Что это такое?

– Это звездная система, или даже целый Фрагмент. Расположен, вероятнее всего, в тех объемах Галактики, которые контролировал до войны гипархат Пустоты номер сорок семь. Попробуй вспомнить, постарайся.

– Номер сорок семь? Но ведь это...

– Да, так. Поэтому я спрашиваю именно у тебя, дочь гипа Пустоты, носящая на своем темени перламутровый знак «Сорок Семь». Система Мерцающих Усов находится где-то на твоей родине.

– Я ни разу не была на родине, ты забыл? Я же родилась прямо в «Универсале».

– Твоя мать могла упомянуть при тебе это название. Или кто-нибудь из инженеров свиты, да кто угодно из вашего окружения! Вспомни, ты же умница у меня, ты должна вспомнить. За шесть Единиц нашей дружбы я не задавал тебе вопроса важнее.

Девочка долго молчит, нахмурившись. Затем твердо заявляет:

– Никто при мне ничего такого не говорил.

– Да, конечно, – тут же сникает Свободный Охотник. – У вас это место наверняка обозначалось иначе. «Мерцающими Усами» называют его зверюиды, а их язык раскодировали не так уж давно. Извини, Хозяюшка, глупый был вопрос... Тогда вот что. Посмотри внимательно... – сменив канал, он задает новый код. Генерируется изображение.

– Ой, какой смешной! – восторженно восклицает девочка. – Какой гладенький!

– Ты раньше слышала о подобных существах? Или, может, видела?

– Нет. – Она искренне сожалеет. – Какой симпатичный. Кто это? Ты его где, в зверинце нашёл?

– Это типичный представитель Голого Народа. По имени Ласковый.

– Тварь? – поражается она.

Свободный Охотник устало откидывается на спину, ложится на ковер, неподвижно смотрит в матовый купол.

– Таких совпадений не бывает, – сообщает он. – Но ты ничего не знаешь, как я и боялся.

Странно.

Внезапно он привстает:

– Хозяюшка, еще вопрос. Ты ничего от меня не скрыла? Давно, шесть Единиц назад?

Она вскакивает. Он медленно поднимается следом. Теперь они смотрят друг на друга – в упор.

– Извинись, – спокойно просит она.

– Извини, – спокойно соглашается он. – Твоя мать была женой Сорок Седьмого гипа Пустоты, поэтому сейчас мы повторим с тобой ту давнюю историю. Например, мне непонятно, как вы могли спастись.

– Мне просто повезло, в соседнем Фрагменте дочь какого-то гипа устроила праздник Печати и пригласила меня в гости. Они даже своего лощмана за мной прислали...

Говорить дальше девочка не может: губы не слушаются. По лицу текут крохотные слезинки.

Однако Свободному Охотнику продолжение не требуется, он и так отлично помнит все ее рассказы. Увы, ничего существенного в этих рассказах нет. После разгрома родного гипархата и героической гибели мужа, вдова приняла в изгнании титул гипа и начала вынужденные скитания, родила вскоре дочь, и в конце концов осела на Курорте. Надо полагать, монад для этого у нее хватало. Шикарное было место, но дорогое, Свободный Охотник видел картинки, в архивах базы нашлись. Его, конечно, никогда не интересовало, откуда у матери Хозяюшки взялось столько монад (хотя, всем известно, что Сорок Седьмой гипархат Пустоты был одним из самых бедных в Метро). Итак, дочь погибшего гипа благополучно дожила до десяти Единиц, пока однажды враги не добрались и до Курорта. Уникальный Фрагмент был полностью превращен в космический газ, но Хозяюшка уцелела. Ее как раз начали выводить в общество, и в момент нападения она находилась далеко. Мать успела с дочерью связаться, передала по Всеобщей завещание и другие необходимые документы, после чего помогла ребенку активизировать в бортовой системе «Универсала» секретный маршрут – к этому заброшенному санаторию. Сильная женщина. Она не отключала связь до... в общем, до самого конца. Оставила впечатляющую документальную запись, чтобы впоследствии никто не посмел усомниться, чья это малышка выскользнула из лап тварей. Таким образом, Истинная и попала сюда, в «Черную дыру». Здесь ребенок обнаружил другого жильца, безродного мальчишку, который хоть и не стал еще Неуловимым, но был уже весьма дерзким и агрессивным. Девочка его не прогнала, и они даже сдружились, как это ни странно...

– В истории твоего спасения нет ничего неясного, – размышляет вслух Свободный Охотник. – Я не понимаю другого. Ты рассказывала, что когда враги напали на Сорок Седьмой гипархат Пустоты, твой отец принял командование войсками, а беременную жену вместе с

частью свиты успел вывезти из зоны боев. Но это неправда. Теперь я точно знаю, что спастись не мог никто. Кстати, в гипархате ведь был и наследник, сын гипа, который погиб вместе с отцом – до твоего рождения. Что, если ты перепутала, и твоя мать в момент нападения просто находилась вне гипархата? Точно так же, как ты в случае с Курортом?

– Я не перепутала... – беспомощно шепчет девочка. – Я помню...

– А помнишь ли ты, с чего началась война?

Она молчит.

– Ну? Ведь ты в той же самой учебной ячейке обучаешься, в которой я когда-то.

Она собирается с силами, медленно приходит в себя.

– Причем здесь это? – вяло шевелит она губами. – Тоже еще – экзаменатор нашелся. Война началась с того, что звероиды атаковали гипархат Узора. Они хотели захватить Полную Карту, но люди успели взорвать все базы, все оборудование. Полная Карта никому не досталась. Доволен?

Свободный Охотник прохаживается от мембраны к мембране, заложив руки за спину. Дочь гипа непроизвольно двигает головой, следя за его перемещениями.

– Правильно, – бросает он фразы. – То, о чем ты сказала, называется Первой Атакой. Враги ударили в мозг Метро, они безошибочно вычислили самый могущественный гипархат. Полной Картой владел только гипархат Узора – эта монополия была святой во все времена, эта монополия была неприкосновенна и фундаментальна. Ясно, что комплекты маршрутов, необходимых для такого внезапного и эффективного нападения, были получены непосредственно от службы Узора. Причем, обычным образом. Кто-то из постоянных абонентов сделал несколько заказов, заплатил за услуги, и готовы оперативные карты. Карты Первой Атаки... К чему я все это? К тому, что сотую назад очень многое для меня прояснилось. На самом деле война началась совсем с другого. Вовсе не с Первой Атаки. Прежде всего был захвачен и полностью заблокирован один из гипархатов Пустоты. Номер сорок семь, Хозяюшка. Судя по всему, мгновенно и жестоко – чтобы никто и ничто не просочилось к соседям. Звероиды любят и, главное, умеют делать такие дела, как показал дальнейший ход войны. Только затем была осуществлена пресловутая Первая Атака – после тщательной тайной подготовки.

– Наш гипархат они захватили раньше гипархата Узора? – растерянно спрашивает девочка.

– Да, – безжалостно подтверждает Свободный Охотник. – Мало того. В вашем гипархате ничего не было разрушено, то есть твари идеально провели боевую операцию. Они превратили твою родину в свой штаб еще до начала войны! Каким образом жене гипа, твоей матери, удалось вырваться?

– Не знаю...

Дочь гипа снова плачет – беззвучно, по-взрослому. Юный воин останавливается перед ней и поднимает с ковра шар настройки.

– Перестань, – морщится он. – Садись и смотри. Я хочу, чтобы ты поняла все до конца...

7.

...Откуда звероиды появились в этом мире? Откуда выползают их нескончаемые стаи, где их родина – где же оно, сердце галактического зла? Нет ответа на простой вопрос. Если твари всегда жили здесь, в Галактике, в некоем затерянном Фрагменте, то почему их численность сравнима с численностью доминирующей в этом мире расы, почему до сих пор не обнаружено никаких следов их существования? Если они прибыли извне, из пропасти Глубокого Космоса, то где их корабли, почему пользуются чужой, украденной здесь же технологией? И тем более необъяснимо их количество: каким образом гости, пришедшие, скажем, из другой Галактики, получают бесчисленные подкрепления в виде живой силы? Главная загадка тварей. ТАЙНА... Нет слаще блюда, чем Главная Тайна Врага – добытию этого лакомства можно подчинить все оставшиеся в твоём распоряжении Единицы жизни. И в итоге не отведать...

Информация просмотрена, изучена, разложена по векторам. Однако ясности как не было, так и нет. Несомненно лишь, что волны Первой Атаки покатались именно из Сорок Седьмого, причем, никакие иные гипархаты Пустоты для этой операции звероидами не использовались. Значит, родина звероидов расположена где-то в Сорок Седьмом? Ха-ха, неправильно! Сверены все фамильные записи, бережно хранившиеся у дочери гипа, с имеющимися описаниями Мерцающих Усов, полученными в разное время из разных источников. Можно сказать с полной определенностью – в пространстве, охваченном Сорок Седьмым гипархатом Пустоты, нет ничего подобного. Мало того, каждый объект гипархата – вплоть до самой ничтожной базы! – полностью опознан, имеет детальное описание. Откуда же твари там взялись? Где оно, сладостное решение? Ускользнул ответ...

Свободный Охотник не спит, не получается, хоть и превращен пол его ячейки в широкую роскошную постель. Уставшее тело, поддерживаемое упругой пеной, словно висит в пространстве – очень приятное ощущение. Невесомая пленка плотно прилегает к коже, поддерживая тепловой баланс и заодно очищая организм от всего лишнего. Однако мысли теснят сон. Конечно, можно бы приклепнуть к вискам дурман-генераторы или ароматизировать спальню седативной смесью, после чего обрести долгожданный покой, но истинным воинам полагается справляться со столь ничтожными проблемами самостоятельно. Хочешь победить кого-либо, научись сначала побеждать себя.

Дочь гипа также не спит, осталась в комнате Всеобщей. Наверное, вновь и вновь наполняет окружающее пространство картинками прошлого, разглядывая их в одиночестве. Или уже отключила режим просмотра, вернув системам связи канал обзора, и уползла к себе в спальню? Можно запросить центральную систему базы и подсмотреть – где она и что делает, да только зачем... Девочка, к счастью, давно перестала плакать. Наоборот, изучив совместно с Неуловимым оперативные карты Первой Атаки и выслушав его рассуждения насчет главной загадки тварей, она тут же нашла решение всем загадкам сразу. Тщетно скрывая радость, она предположила: может быть, враги фальшивку подсунули, оболгали славный гипархат? Может быть, шпион предал не только своих прежних, но теперь и нового хозяина? Как-никак столько стычек в пути было, столько случайностей! Неуловимый еле удрал – сам же рассказывал!

Дочь гипа можно понять – ей хочется спасти честь рода, сохранить в неприкосновенности память о матери и об отце. И все-таки предательство маловероятно. Если бы карты Первой Атаки были фальшивыми, то никто бы не гонялся за «Универсалом-Плюс», во всяком случае, не на свалке в Депо. Скорее всего, звероиды проследили за капсулой Ласкового. С другой стороны, если Ласкового разоблачили, то когда и как? Ведь Нити маршрутов, которыми Неуловимый снабжал его, были неизвестны никому, что позволяло шпиону добираться до условленных мест и возвращаться обратно, минуя охранные отряды, позволяло даже в случае необходимо-

сти выходить за пределы своего Фрагмента – как и было на сей раз. Но чем тогда объяснить непрерывные нападения, которым подвергся Неуловимый? Странно.

Вопросам нет конца...

«Твой Ласковый точно погиб?» – грустила девочка. Ей было жаль это существо, ведь твари, оказывается, такие симпатичные, такие непохожие на врагов... Свободному Охотнику также жаль своего шпиона. Бедняга не выдержал темпа бегства. Отстал, снова нырнул в свалку. Ну и прятался бы там от преследователей, дурачок, вместо того, чтобы сразу же выскакивать наружу, точно в фокус рассеивателей! Кто его теперь заменит?

Разве Ласковый не мог просто рассказать, где находятся эти самые «Мерцающие Усы», удивлялась дочь гипа. Или он не совсем шпион был, если скрывал такую важную информацию?

Дурочка. Мог бы – рассказал бы, в том-то и дело! Шпион был мелкой тварью, знал только название родных пещер, а где они расположены – нет. Мало того, он попросту не помнил свою родину. Таких, как он, отбирают у родителей еще детенышами, грузят в транспорт, и они оказываются здесь, в самой гуще драки. Здесь же их обучают, тренируют, воспитывают... Впрочем, старшим по званию также ничего не известно. Во многих Фрагментах брали в плен управленцев, вплоть до господ стаевых, и – торжественный пшик. Хоть вообще не бери пленных, настолько это бесполезно. Трудно представить, но даже награжденных отпуском счастливицков возят домой в спящем состоянии, так у звероидов принято. Забавно. Тоннели им всем в резонанс!

Входная мембрана спальни меняет цвет, начинает мигать и вибрировать. Ага, Хозяюшка просится в гости. Свободный Охотник разблокирует спальню, но свет не включает. Дочь гипа вползает на четвереньках, увязая коленками в мягкой пористой массе, и виновато шепчет:

– Лекарь-система сообщила, что ты еще не спишь, поэтому я...

– Да ладно тебе, – хмуро отвечает юный воин.

Он дает команду расширить ложе, чтобы девочка поместилась рядом.

– Почему-то никак не могу заснуть, – жалуется она. – Эти ужасные записи, которые ты раздобыл... Я все думаю о них, и, знаешь, хочу тебя кое о чем спросить.

Он закрывает глаза. Нет конца вопросам...

PAUSE

– Сколько тебе лет? – все-таки решился я его спросить.

И он ответил:

– Почти двадцать.

Это был очередной эпизод в наших разговорах, когда мне пришлось показать свою тупость – не в первый и не в последний раз. Как «двадцать», почему двадцать? Четырнадцать-пятнадцать, не больше!

– Врешь. – Я даже рассердился. – Не может такого быть.

– Почти двадцать, – упрямо повторил он. – Это так же верно, как и то, что за цифрой семь следует цифра десять.

– Ты шутишь? – догадался я. – Смешно.

Разумеется, это не было смешно, ведь он опять не шутил. Просто молодой человек не любил цифры восемь и девять, что ж тут поделаешь. Терпеть их не мог, брезгливо отбрасывал в сторону. Иначе говоря, он сообщил мне свой возраст, пользуясь не десятичной системой счисления, как все нормальные люди, а восьмеричной. В восьмеричной системе отсутствуют «восемь» и «девять», то есть за семеркой действительно следует десятка. Почему в таком случае система называется «восьмеричной»? Потому что он нуля до семи – ровно восемь цифр. За десятью следует одиннадцать, двенадцать, и далее – до семнадцати, после чего сразу идет двадцать (а не восемнадцать и девятнадцать, как мы привыкли). Таким образом, парень и насчитал себе двадцать лет, хотя, если бы пользовался привычным способом счета, получил бы только шестнадцать. К тому же, он сказал «почти двадцать», а значит, на самом деле ему исполнилось всего лишь пятнадцать лет. Причем, не более месяца-двух назад, поскольку он родился в августе (я спросил об этом чуть позже),

С тем же успехом, к примеру, какая-нибудь хитрющая девчонка, желающая набавить себе авторитета, могла бы сообщить своим подружкам, что ей уже пятнадцать, «забыв» прибавить, что это восьмеричное число. Пятнадцать в восьмеричном коде – тринадцать в десятичном. А двадцать равняется шестнадцати – все это проще, чем штепсель в розетку всунуть. Так что пареню не удалось меня запутать. Зря, что ли, я столько лет в институтах сох от безделья? Я только с виду работяга, виртуоз отвертки и электродрели.

– Десять – не цифра, а число. Это так же верно, как и то, что оно следует за цифрой семь, – поддразнил я юного шутника.

Он не обиделся. Скорее обрадовался – тому, как быстро и легко я «просек фишку». «Фишка» на языке законодателей безвкусицы означает, в частности, благородный бзик. Его благородным бзиком и была восьмеричная система счисления. Выяснилось, что он считает в ней так же свободно, как мы считаем в десятичной. Складывает, вычитает, умножает – и все в уме! Выяснилось, что он специально тренировался, зубрил таблицу умножения, решал примеры, короче, перестраивал свой мозг. Зачем? За что он так возненавидел восьмерку (а может, девятку?), если остановился в своем арифметическом развитии на цифре семь?

– Предположим, есть такая страна, – фантазировал он, – где люди сначала пользовались десятичной системой счисления, но постепенно поняли, как это неудобно, и заменили ее восьмеричной...

– С чего вдруг? – возражал я. – У них у всех что, тоже по четыре пальца на руках?

– Не обязательно. С развитием информационных технологий дискретный способ мышления неизбежно вытеснит аналоговый, вот увидите.

– Не увижу, – смеялся я. – Поверь мне, малыш...

Нет, не был он «малышом». Информационные технологии занимали его всерьез, и потому увлечение восьмеричной системой счисления вовсе не являлось блажью. Он видел

широкую дорогу, ведущую в Будущее, он шел по этой дороге. Вычислительная техника и в самом деле «мыслит» дискретно, то есть в двоичном коде – нулями и единицами. Двоичный код переводится в восьмеричный без дополнительных вычислений, легко и естественно, как дыхание. Это удобно, это просто удобно – прав был парень. Или не все так просто?

А с вычислительной техникой он познакомился, просиживая часами на маминой работе. Сначала познакомился, потом пристрастился. Душой и телом проникся пресловутыми «информационными технологиями»... Что же за мама у него была такая, неосторожная?

Итак, парень фантазировал:

– ...Вот и получается, что «восьмерка» – это древнее слово, давно потерявшее первоначальный смысл. Угадайте, почему оно до сих пор используется? Не заменитель же это «десятки»? А потому, что в стране, где восьмеричная система вытеснила десятичную, оно должно означать что-то очень важное для всех. Правильно? Чего вы смеетесь-то?

– Ты рассуждаешь, как будто мы и живем в этой стране, – сказал я ему.

– Не живем, так будем жить, – пообещал он. – Куда денемся?

– Тебе бы писателем быть, – сказал тогда я. – Фантастом.

До сих пор не знаю, поддержать я его думал или обидеть...

Никогда ему не быть писателем! Не приспособлен он для дел, требующих от умного человека постоянно подстраиваться под всех остальных. Фантазируй, не фантазируй, но кто тебя сможет понять, если даже нумерацию глав ты захочешь давать в восьмеричной системе счисления? Ведь за главой под номером 7 в его ненаписанном романе, конечно же, последовала бы глава 10 – и никакая иная...

CONTINUE

10.

...Вопросы сушат рты, впрыскивают в сердца яд, мечутся под нависающим куполом, сплетаясь в один змеиный клубок.

– Как же они смогли сопротивляться?

– Кто?

– Они, из гипархата Узора. Успели даже смерть-волну раскрутить... Ужас. По-моему, это невозможно, я же сама в учебной комнате слышала, еще когда маленькая была, что аннигиляционные генераторы работают слишком медленно...

– Да, Хозяюшка, да. Скорость позитронной эмиссии составляет не более двух условных сфер за тысячную. А Первая Атака, оказывается, длилась всего ноль-семьсот тире ноль-восемьсот. Ты молодец, хорошо учишься. Я тоже не понимаю, как инженеры из гипархата Узора успели накопить аннигиляционную волну, достаточную для таких взрывов.

– Вдруг изобрели что-нибудь?

– В Галактике две сотни Единиц ничего не изобретали, с самого распада Управления. Скорее всего, гипархат Узора начал подготовку к отражению атаки заранее. Судя по рисунку боя, их гвардия была приведена в состояние боевой готовности. Наверное, разведка сработала четко, засекала передвижение странных армий на дальних подступах.

– Наверное.

– В общем – хватит. С Первой Атакой закончили, не могу больше. Шла бы ты, помощи от тебя все равно никакой.

– Ну подожди, ну почему! Не выключай свет...

Одинокий воин по прежнему хмур, скупен и спокоен. Рядом с ним лежит девочка – она еще не научилась сохранять спокойствие всегда и всюду. Она вскакивает и снова ложится, пробираемая то ли лихорадкой, то ли жгучими вопросами.

– Ладно, давай поговорим, – он неожиданно привстает. – Есть еще кое-какая неясность, малышка. Осталась от нашего с тобой предыдущего разговора, не дает мне расслабиться. Помнишь, я тогда сказал, что ты мне наврала и что-то скрываешь?

– Ничего страшного, ты же извинился.

– Я извинился? Не пожалеть бы об этом. Почему твоя мать после бегства из воюющего гипархата Пустоты не отправилась сразу же сюда, в родовую санаторий?

– Не знаю...

– Может, боялась, что звероиды вытащат секретную Нить маршрута и найдут вас?

– Может. Честное слово, она ничего такого не говорила.

– Но много позже она все-таки спрятала здесь свою дочь, не побоялась.

– Ну, пристал! А ты сам-то, сам до сих пор не рассказал, как на самом деле сюда попал!

– Я рассказал.

– Да уж, помню. «Брел, брел, и случайно забрел». Наоборот, это ты врешь и что-то скрываешь.

– Хозяйке базы нужны рекомендательные записи? Понимаю, иначе гостя выгонят вон.

Нет, вовсе не спокоен одинокий воин. Он разочарован, едва ли не в отчаянии. Он ведь надеялся – на удачу, на опыт, на помощь своей подруги.

– Да! Я здесь хозяйка! – гневно взвизгивает она. – И нечего хихикать!

– Мы вспоминаем о твоей матери, не отвлекайся. Чтобы объяснить ее нелогичное поведение, приходится предположить, что эта база вовсе не принадлежала твоему отцу, как ты

меня уверяешь. Вероятно, жена гипа боялась совсем другого – что укромное местечко занято настоящим хозяином, и решилась воспользоваться им лишь от безвыходности, желая любым способом спасти дочь. Я прав или нет?

Под куполом – молчание. Очевидно, жгучие вопросы внезапно кончились. Девочка стоит, опустив голову, и сосредоточенно разглядывает свои руки – будто вытек воздух, который только что распирает ее щеки и грудь.

– В чем дело? – обрывает паузу Свободный Охотник. – Ты слушала меня или нет?

– Я... – вымучивает дочь гипа.

– Что?

– Я думаю, мама любила его, но он погиб, и ей было тяжело... из-за памяти о нем...

– Ты думаешь, она не прилетала сюда из-за воспоминаний о своем муже? – глухо уточняет Свободный Охотник. Голос его на мгновение слабеет. – О своем муже и твоём отце? – голос его ломает странная тоска.

Девочка неудержимо краснеет.

– Нет, с моим отцом у нее... как бы выразиться... ну, ничего хорошего у них не было, потому что она никогда не говорила о нем хорошо. И плохо тоже не говорила, и вообще, редко о нем вспоминала. У мамы был друг, о котором отец не знал, а тут в санатории они встречались. Понял? Еще до меня. До войны.

Уже совершенно пунцовая.

– Откуда тебе это известно?

– Она личные записи с собой носила, никому не показывала, а я однажды подсмотрела, когда маленькая была. Только потом сообразила, что к чему. Я даже видела лицо этого человека. Его убили. Мама иногда плакала, из-за него плакала...

– Значит, владелец санатория был другом твоей матери? – Свободный Охотник, оказывается, уже не хмурится и не скучает, вовсе нет, он берет Хозяюшку в руки, весело притягивает ее к себе. – Ну, наконец хоть в чем-то ясность настала!

– Я не знаю, кто из них был владельцем. Может быть все-таки моя мама купила эту базу? Когда-нибудь очень давно...

Он близко-близко: целует ее в лоб, смотрит ей в глаза.

– Ты чего? – теряется она. – Ты не сердись? Не сердись, просто язык у меня не поворачивался признаться. Кстати, вдруг этот санаторий родовой, но старого маминого рода?

– Мозги у меня прочистились, – невпопад сообщает он. – Умница моя, вот что ты сделала... Не бойся, твоих прав собственности на «Черную дыру» никто не посмеет оспаривать. Хозяйка здесь ты, была и будешь, что бы ни случилось.

– Нет, я дура. Взяла, и все разболтала. Ведь мама любила этого человека, понимаешь? Любила!

– А я тебя.

Улыбаясь во весь рот, он отпускает девочку и переворачивается на живот, с наслаждением погрузив лицо в плотную дурманящую тьму.

– Что ты сказал? – шепчет она, невольно подавшись к нему.

Однако удерживает себя.

Она медленно приподымается, вдруг перестав чувствовать свое тело. Встает на колени. Поворачивается, ползет к выходу, веря и не веря услышанному, изо всех сил надеясь, что ее остановят и вернут. «А я тебя, а я тебя...» Он, наверное, пошутил?

– Я обещал сделать принцессу взрослой, – бормочет Свободный Охотник, словно разговаривая сам с собой, – и я сделаю, пусть принцесса чуть-чуть потерпит.

Голос его слабеет с каждым звуком. Похоже, он уже спит...

11.

...сначала просыпается сигнализация – это срабатывают датчики, предусмотрительно расставленные во всех ближайших Узлах. Затем лопаются ловушки – это перестают существовать, так и не успев сбросить оболочек, первые капсулы, которые пытались вырваться через Вход в трехмерное пространство. Однако за первыми следуют вторые. Волна за волной, стая за стаей. Армада боевых капсул возникает в пространстве, всего в полтысячной полета от дремлющего санатория.

Свободный Охотник отдыхает, ведь и герои Космоса не умеют сражаться вечно. Разумеется, он просыпается вместе с сигнализацией, автоматически глотает стимулятор, чтобы проснулись также руки, ноги, чувства, он бежит к ангарам, но время, увы, потеряно. «Как твари обнаружили Вход? – заторможено думает он, пока стимулятор не начинает действовать. – Без маяка, без карты...»

«Только бы успеть, – резко меняет он направление мыслей, когда спасительные ручейки энергии наполняют позвоночник. – Похоже, твари воспользовались основным Входом, значит, другой не занят...»

Хозяюшка вбегает в ангары сразу за ним и что-то кричит. Он не слышит, он надевает маску, замкнув все управляющие связи на себя, он в спешке запускает предполетную подготовку, понимая, что не успевает. Разве трудно было подготовить оба «Универсала» прежде, чем лечь отдыхать? Разве не разумнее было спать по кораблям – после всего, что произошло?.. В голове его жар, во рту горечь, в голосе ярость. Отдаваемые команды вырываются из-под маски, мечутся меж упругих стен. Понимание мертвой хваткой давит грудь – нет, не успеть.

И он не успевает. Впервые.

Стаи гостей правильными кольцами охватывают объем, мерцающими слоями окружают висящий во мраке пластиковый кристаллик, опасно держась вне зоны прямого удара, не зная, сколь беззащитна их жертва. Бежать поздно. Не прорваться...

Свободный Охотник устало наваливается на мембрану шлюза и приподымает маску:

– Что ты кричишь?

– Там Всеобщая работает! – бессмысленно машет рукой дочь гипа.

– Дать Всеобщую.

Включается декодер:

«Не сопротивляться, отдать Неуловимого, иначе объект будет атакован. Не сопротивляться, отдать Неуловимого...»

Сообщение циклится, повторяясь раз за разом.

– Откуда они знают, что я здесь? – тоскливо шепчет Свободный Охотник. – Что же делать?

Что делать?

Гибнет, не успев повзрослеть, кровью вскормленная мечта, рушатся кубики недостроенного мира. Юноша сползает вдоль стены, трогая затылком пористую поверхность, опускается на корточки. Сейчас закончится красиво сделанная жизнь... Галактика сжимается до размеров кулака, которым он бьет в борт бесполезного «Универсала». Что же делать?

Впрочем, решение уже принято.

Хозяюшка в отчаянии смотрит на него, и тогда он встает. Он решительно разблокирует Всеобщую, восстановив никогда прежде не использовавшийся режим передачи:

– «Черная дыра» вас слышит, твари. Говорит тот, кого вы называете Неуловимым. Кому я понадобился?

Мгновенно возникает ответная картинка: вылизанный до блеска зверь, вяло жующий лист табака.

– Я не разбираюсь в ваших стрижах, – продолжает Свободный Охотник. – Ты стаевый? «Я надстаевый, – отщелкивает декодер. – Шестой из династии Бархатных».

Лист вываливается из раскрывшейся пасти зверя.

– Мое почтение, Бархатный. На этой базе только двое, убедись сам, – в пространство уходит матрица изображений, снятых со всех помещений станции. – Других защитников, как видишь, нет, везде пусто. Я тебе уже представился. А рядом со мной ребенок, девочка, которая приходится мне... ну, скажем...

«Понимаю (собеседник лениво ворочает багровым языком), мы тоже размножаемся путем деления и слияния, то есть половым.»

– Удобно иметь дело с понятливым собеседником. Теперь смотри внимательно, а лучше подключи к разговору инженеров... – Далее следует мгновение технической паузы, после чего новая капля информации срывается с замершего тела санатория. – Я послал тебе просканированный срез базы, чтобы у вас у всех не возникло сомнений. Объект готов к самоуничтожению, автоматика сработает на начало вашей атаки. Пусть твои инженеры обратят внимание на параметры аннигиляционной волны, накопленной генераторами. Я запасливый. Просчитайте сами, что останется в случае взрыва от первых слоев ваших капсул. Кстати, ты лично достаточно удален от меня?

Господин надстаевый вдруг поднимается с подстилки и, прогнувшись, коротко потягивается. Усы его топорщатся.

«Мы не боимся, – переводит декодер. – Когда-нибудь Желтый Глаз возьмет нас всех. Ты или сдашься, или сгоришь вместе со своей норой, враг наш».

Свободный Охотник кладет руку Хозяюшке на плечо.

– Вслед за тобой и мы можем солгать, что нам не страшно умереть, но не унизимся до этого. Два человека за двести тварей – достойный итог боя, поэтому мы честно сделаем то, что нужно сделать. Хотя, возможен и другой итог. Ваш враг Неуловимый согласен сдаться добровольно, если вы отпустите корабль с ребенком.

«Это твое условие сдачи?»

– Когда девочка свяжется со мной из какого-либо незанятого вами Фрагмента, я мирно отдамся в ваши... хм... лапки. Мне почему-то кажется, что Неуловимый в качестве пленника устроит вас больше, чем в качестве героя, чья гибель будет всегда вдохновлять людей на подвиги. Иначе ты не тратил бы время на беседу со мной, а просто отдал бы приказ атаковать. Правильно?

«Мы проанализируем твое условие. Жди решение».

Декодер замолкает. Зато кричит, срывая голос, дочь гипа:

– Нет!!!

– Они будут докладывать на самый верх, – спокойно объясняет Свободный Охотник. – И одновременно попытаются укрепить ловушку, чтобы мое условие необязательно было выполнять, так что у нас есть время. Правда, надстаевый – крупная величина. Крупнее только вождь Гладкий, который стрижется наголо.

Она даже подпрыгивает от возмущения.

– Я тебя не брошу! Никуда я не полечу, понял?!

Кричит одинокому воину в самое лицо, в страшное неподвижное лицо.

– Но времени очень мало, – отодвигается тот. – Поговорим позже, нас ждет срочная работа.

– Какая-то работа! – Она явно не в себе.

– Во-первых, нужно проверить «Универсалы» – и твой, и мой. Кому-то из нас подсунули кодированный маяк.

Девочка вдруг успокаивается и замолкает.

Свободный Охотник вызывает щуп и формулирует задачу поиска. Наблюдая за выверенными движениями гигантских щупалец, опутавших оба корабля, он объясняет:

– Видишь ли, Хозяюшка, уж я-то знаю, что обычными способами найти «Черную дыру» невозможно. Абсолютно. Что остается врагу? Воспользоваться штуковиной, непрерывно посылающей в Метро сигнал по закрытому каналу. А вне Метро эта же штуковина продолжает внедряться в системы галактической связи, ориентируясь на Вход, через который попала в пространство. Что-то вроде маленькой Всеобщей, очень просто. Звероиды не случайно избрали наш с тобой основной Вход, и из Тоннеля они выбрались только потому, что получили возможность вписаться в траекторию «на маяк». На подлый, кодированный маяк. Правда, твой «Универсал» автоматически проверяет сам себя, когда ты запускаешь маршрут домой. Не знала? Но ты привела бы за собой людей, а не тварей...

– А какая работа будет «во-вторых»? – прерывает его дочь гипа.

Однако объяснения уже закончены. Потому что готов результат проверки: корабль Хозяюшки, как и ожидалось, безупречно чист, зато в «Универсале-Плюс» обнаруживается нечто неожиданное. Впрочем, отнюдь не скрытая от контроля крохотная заноза. Предательской штуковиной, излучавшей кодированный зов, оказывается робот-истребитель – весь целиком.

И все становится ясно. Ведь этот робот-истребитель, спящий в брюхе корабля, был спущен пару сотых назад на биокристаллических червей, чтобы освободить полусожранную планету, и где как не там, в загаженных лабиринтах, мог он подцепить споры инфо-грибка. Лишь на миг окунулся в неприметную разреженную взвесь – и готово. Штатная очистка аппарата при возвращении на корабль неспособна что-либо исправить – структура корпуса необратимо изменилась, системный паразит уже пророс в тело робота. Инфо-споры, очевидно, были искусственного происхождения, вполне возможно, специально выведенные для этого случая. Иначе их шумообразующая активность не лежала бы в узенькой полоске чьего-то личного канала связи. Иначе излучение не модулировалось бы так хитро, что лишь стационарный щуп смог его ухватить.

И, что очевидно вдвойне, отчаянная мольба о помощи была банальной ловушкой, заготовленной для благородных идиотов. Биокристаллические червяки были подсажены на мертвую планету вовсе не бластомерами или фермерами. «Неуловимый, хоть Ты услышь и отзовись, если Ты существуешь...» Фу, как стыдно! Неуловимый доблестно попался. Блистая юной удаляю, виртуозно управляясь со смертоносным аппаратом, пьянея от ненависти ко всей галактической пакости вместе взятой, герой Космоса не заметил, что сам стал мишенью. Сразу после бессмысленной победы и начались странности: якобы случайные встречи со звероидами – со звеньями, отрядами, стаями. Нападение на свалке, разгром сферобара... Вот все и сложилось, вот и настала ясность. О, Космос, как стыдно...

– Будешь уходить на своем корабле, – решает Свободный Охотник. – Подстрахуемся.

– Я без тебя не полечу, – звонко напоминает девочка.

– Полетишь, – улыбается он. – Нужно вытащить отсюда Полную Карту. К сожалению, выбора нет. Спасаясь или я, или Полная Карта, вот такая нелепая ситуация. Ценности несопоставимые, малышка.

– Полная Карта? – ее голос, внезапно сорвавшись, превращается в шепот.

– Конечно. А ты думала, как мне удастся отыскивать, например, технические Входы? Они же никогда не указывались в Нитях маршрутов и редко когда указывались в местных картах. Зато в Полной Карте отмечены все до единого. Удобно, правда?

– Я не понимаю... – растерянно говорит она. – Ты надо мной смеешься?

На мгновение его охватывает гордость – только на мгновение.

– Бортовая система моего «Универсала-Плюс» и есть Полная Карта. Точнее, комплект малоформатных архивированных версий по каждому из Фрагментов, самого последнего поколения. А сам я – вместо службы Узора. Это, наверно, смешно, смешнее и не придумать...

Хозяюшка, маленькая моя, у нас совершенно нет времени спорить, и выхода другого нет, поверь мне. Ты спрашивала, какая еще работа не выполнена? Вот, смотри: я заменяю бортовую систему твоего корабля. Полностью перекачиваю тебе систему своего «Универсала», а у себя, наоборот, собираюсь сжечь, убить все самое ценное. Ты обязана спастись вместе с кораблем. Теперь поняла?

Спрятавшись под боевой маской, чтобы никто не видел его глаз, герой дает команду.

Каналы распахнуты, процесс необратим. В ангарах – маленькая информационная буря.

– И еще, принцесса моя, не удивляйся, но я делаю тебя богатой. В моем корабле остались финансовые запасы, я ведь скромно жил, бережливо...

Проходит новая команда. Цезиевые кассы обоих «Универсалов» отзываются, одна – щедро сбрасываясь до нуля, другая – впитывая высвобождаемые средства. Стрекогут таблицы, показывая переданную сумму, невообразимо большую сумму.

– Как же так? – девочка словно оглушена, словно бы не слышит.

– Ничего страшного, – продолжает говорить герой, исполнив все задуманное. – Неуловимым станешь ты. Теперь ты одна владеешь Полной Картой, ты одна сможешь ориентироваться в Метро, как и положено легендарному Мастеру Узлов. Извини, Хозяюшка, не имел я права откровенничать с тобой раньше. Извини меня, если сможешь. Настало время правды, и я надеюсь, что ты успела повзрослеть...

Включается Всеобщая – иглой в мозг, – требует канал. Канал предоставлен. Пронзившая пространство морда, уцепившись за ретранслятор, врывается в ангар – красиво, крупно, красочно. В поросшей шерстью пасти ворочается шершавый язык, заставляя подключиться и декодер.

«Пусть самка уходит. Нам нужен ты, наш враг. Я тебе не верю. Связь с кораблем, который отойдет от базы, и связь с базой, где останешься ты, должна быть полностью открыта, чтобы я видел вас обоих. Вот код моего канала. Система самоуничтожения должна быть отключена немедленно, а схема замкнута на мой канал. Когда самка уйдет, ты сдашься. Конец.»

– Договорились, – выталкивает из груди Свободный Охотник. – Дай нам время попроситься.

«Я тебя понимаю, – жмурится надстаевый из династии Бархатных. – Я тоже прощаюсь со своими самками, когда они покидают мою нору».

Всеобщая тактично исчезает. Пустота, до краев наполнившая ангар, впитывает жалкие звуки всхлипываний. Дочь гипа плачет.

– Ну-ну-ну, – говорит ей Свободный Охотник, словно вату пробивая голосом. – Спокойнее, пока все правильно.

– Я спокойна, – тоскливо отвечает она. – Что мне надо делать?

– Я верю звероидам еще меньше, чем они мне. Во-первых, они испугаются, что когда ты будешь в безопасности, я не сдержу слово и все-таки зажгу небольшую Сверхновую. Во-вторых, они наверняка не справятся с искушением получить дополнительное средство воздействия на меня, взяв в плен нас обоих. Наконец, они видели, что ты Истинная. Иллюзии нам ни к чему – твари попытаются захватить твой «Универсал». Но не сразу, а когда ты отдалишься на достаточное расстояние, чтобы я не имел возможности, взорвав все вокруг, отнять тебя у них. Очевидно, это произойдет в районе того Входа, через который враги вышли из Тоннеля, того же, которым мы с тобой всегда пользуемся. В любом случае, сквозь первые слои капсул тебя пропустят. Поэтому действуем так... – Свободный Охотник проецирует информационную подкладку на купол ангара. – Смотри, между первым и вторым слоями окружения есть другой Вход, гораздо ближе. А Тоннель вроде отростка, этакого аппендикса, выводит к одному из курьерских Прямых. Вход – на самом конце «аппендикса». Хорошо видишь? Потайной ход, враги о нем не знают. Нырять, приходишь до Прямого Тоннеля, по Прямому – до первого же Кольцевого, через межфрагментарный Узел, и в Узле связываешься со мной. Поняла?

Дочь гипа кивает, позволяя слезам беспрепятственно падать на жаростойкое покрытие пола.

– Теперь запоминай, что дальше. Добираешься до гипа Связи и соглашаешься дружить с тем из сыновей, кого он тебе рекомендовал.

Она поднимает голову и встречается с его взглядом. Она надеется, что это шутка. Однако это не шутка. И тогда она сходит с ума:

– Дурак, дурак, дурак!

– Прошу тебя, – говорит Свободный Охотник и отворачивается.

– За что ты меня так? – беснуется она. – Я тебе совсем не нужна?

– Да как же ты не понимаешь...

– Это ты, ты ничего не понимаешь! Может, мне сразу сказать им свое истинное имя, каждому сыночку по очереди?

– Прекрати! – он хватает ее за плечи и яростно встряхивает. – Не нравится дворец гипа Связи, найди себе другой. Без сильного покровителя ты пропадешь, а вместе с тобой погибнет все, ради чего я жил. Выброси глупости из головы!

Она прерывисто всхлипывает, но уже не плачет. Дочь гипа все поняла, поэтому молчит. Упрямо сомкнутые губы ясно показывают, что поступит девочка все равно по-своему.

Свободный Охотник нетерпеливо смотрит на таймер, отнимающий у него микро-Единицу за микро-Единицей.

– Запомни главное, малышка. Про Полную Карту никому не слова. В случае ареста ты обязана взорвать корабль – с собой или без себя, как уж получится. Тебе выпало продолжить дело Неуловимого, так что не опозорь славное имя.

– Имя... Я так и не узнала твоего имени, красавчик, – мертво улыбается Хозяюшка.

– Ох, как мне надоели твои глупости! – кричит он. – Мы с тобой на войне!

– Не волнуйся, я в порядке. Говори.

– Ближайшая цель: собрать всех гипов на совещание и решить вопрос с объединенными вооруженными силами. Возможно, удастся сдвинуть с точки процесс восстановления Управления. Перед лицом неотвратимой катастрофы толпа надменных самодержцев должна быть сговорчивее. Для этого я и требовал от гипов коды закрытых личных каналов, а технически организовать совещание, как я надеялся, помог бы гип Связи. Кроме того, не доделано самое важное. Где родина врага, куда наносить ответный удар? Я не успел выяснить. Пока ясно, что в Октаэдрах, охваченных Сорок Седьмым гипархатом Пустоты, расположен чисто военный штаб, не больше. Впрочем, в любом случае начинать нужно с него.

– А что будет с тобой?

– Со мной все просто, – хладнокровно говорит юноша. – Я стану идиотом.

Девочка оживает. В наполненных влагой глазах отражается неистовая надежда.

– Как это?

– Я не трус, – с неожиданно прорвавшимся отчаянием объясняет он. – Но ведь глупо погибать, если есть хоть какой-то шанс... Хорошенько запомни название: «Формат счастья». С индексом «сто». Это условное обозначение одной из секретных спектро-программ, изменяющих сознание человека. Их используют дедушки Клонов, штампуя себе рабов. Ты свяжешься со мной из Кольцевого Тоннеля, и я сразу уколую модулятором. Пусть врагам достанется безвредный дурачок, который ничего не помнит, только жрет и радуется жизни. Смешно, правда? Обратная операция возможна, если известны параметры частотных уколов, так что вернуть идиоту разум у врагов не получится. Таких программ – тысячи. Ты одна будешь знать обозначение средства – моего средства. Все данные найдешь в бортовой системе своего «Универсала»...

Девочка жадно впитывает ответ. А потом спрашивает:

– Где тебя искать?

– Полезай в корабль, – герой отворачивается. – Надевай боевую маску. Работай, не теряй времени.

– Формат счастья, – откликается она. – С индексом «сто», я хорошо запомнила.

Дочь гипа уходит – на негнущихся ногах, – чтобы бесследно исчезнуть в бронированном чреве. На борту ее корабля загорается перламутровый знак «Минус».

– Доброй тебе охоты, Хозяюшка! – Запоздалый крик натывается на сгустившуюся пленку шлюза.

Герой покидает территорию ангаров. Он открывает связь полностью, в строгом соответствии с условиями врага, он наблюдает, готовый ко всему, как «Универсал-Минус» отделяется от пластиковой стены. «Универсал-Плюс» остается – опустошенный, жалкий. Полная Карта обрела новый дом. Душа оставила легендарный корабль, думает герой, вот все и кончилось. Как странно...

PAUSE

Кто я такой? Всего лишь электрик при районном Отделе народного образования – простой, как инфузория-туфелька. Бегаю туда-сюда. Висят на мне гири в виде всех местных школ, да еще по договорам обслуживаю несколько объектов – поликлинику, например, и даже отделение милиции. Старательно кормлю семью. Нужный я человек, и на том исчерпывается моя ценность. Чем я заинтересовал этого вундеркинда? Рассказами, как чиною розетки, проверяю разводку проводов и меняю лампочки в женских раздевалках?

Да, раньше я мог бы кем-то там стать. По молодости мне об этом часто говорили – незаурядный, мол, человек. И сейчас иногда говорят, когда хлопнем стаканчик-другой. Имею высшее образование, после окончания института работал в Научно-исследовательском Вычислительном Центре, что на 14-й Линии Васильевского острова (теперь это учреждение называется Институтом Информатики), одновременно был в заочной аспирантуре и готовился защищать диссертацию. Но... Именно – «НО»! Работал, готовился, был. Все – в далеком коммунистическом прошлом. Выгнали меня за то, что подрабатывал на стороне. Ладно бы по специальности халтурил (и тихо, ни с кем не ссорясь), так ведь я в свободное время спиливал верхушки деревьев на кладбище, за сумасшедшие деньги, конечно. Встал я поперек дороги другому кладбищенскому «спилыщику», и неподкупная милиция тут же донесла на меня руководству Вычислительного Центра. Взяло руководство и выгнало незаурядного человека, который мог бы кем-то там стать. Время было такое, никуда не денешься. Оторвали от меня «Имитационную модель рыбной части сообщества озера Байкал», которая разрабатывалась в рамках темы «Космический мониторинг сложных экосистем». И осталась от меня только частица «бы». Впрочем, благосостояние моей семьи при этом не только не пострадало, а в точности наоборот – спасибо тому маразматическому времени, которое было...

Парень неожиданно бурно отреагировал на упомянутый мной Институт Информатики. Словно только и ждал, когда же наконец я проговорюсь.

– Значит, раньше вы были ученым? – спросил восторженно. Даже приостановился и посмотрел на меня. Так посмотрел, что мне стыдно стало, ведь я не тот, не тот герой, который ему вдруг привиделся!

Оказывается, мама все-таки делилась с ним воспоминаниями об истинном отце. Урывками, обмолвками. Не стала стандартно врать про погибшего летчика или моряка, и с другой стороны, не представила этого человека, как иногда бывает, подонком, пьяницей и ничтожеством. Она успокоила сына: мол, твой папаша жив, это обыкновенный научный сотрудник, который целиком ушел в решение задач науки и производства. Ушел и не вернулся. А пацан уже сам домыслил-размечтался, что отец его – большой ученый, которому просто жалко было тратить время на семью и детей. Такой мотив, как ни странно, казался мальчику вполне убедительным. Или нет в этом ничего странного?

– А что, вдруг ты и вправду потомок великого человека? – необдуманно и жестоко связвил я.

Он, к счастью, не обиделся.

– Я бастард, – сообщил парень не без гордости. – Был и буду. Дело-то не в этом, так что вы зря.

Ого, какие слова мы освоили, подумал я, обуздав свое желание немедленно ответить. Человек начитался интересных книжек про рыцарей, где внебрачные дети обязательно оказываются королевской крови и после многочисленных подвигов взбираются на трон, – что ж тут смешного? Однако же – «бастард»... Вот ведь придумают, фантазеры сопливые! Безотцовщина проклятая...

– Просто я хочу знать, чей я, – завершил он мысль.

- В каком смысле?
- У меня есть истинная фамилия. Я ее не знаю. Надоело быть системнорожденным.
- Кем-кем?
- Рожденным в системе.
- Теперь понимаю.
- А вы были какой ученый?..

Ничего-то я не понимал. Странности кружили над нашими головами, мешали беседе. Трудно разговаривать с человеком, у которого умер кто-то из близких, однако у меня не было таких трудностей. Собеседник вел себя так, будто ему наплевать, что вчера он потерял и мать, и новорожденную сестру. Или так, будто забыл об этом. А может, самым странным было как раз мое поведение? Мне бы отложить свои дела, взять его за руку и отвести домой, к родственникам, но вместо этого я почему-то тащил парня с собой в школу. Дикость? Чудовищное бездушие? Я полагаю, нет. Наше обоюдное помешательство имело другое название – запрограммированность.

– Я был не ученым, а инженером, – ответил я, испытывая нелепое чувство, будто оправдываюсь. – Если точнее, я занимал инженерскую должность.

– Ну, это даже интереснее, – солидно покивал он.

Вероятно, мальчик все еще на что-то надеялся. Оттого и шел со мной, оттого и смотрел на меня так – большими серьезными глазами.

– Ты считаешь, что инженер звучит более гордо, чем научный сотрудник? Правильно считаешь. Вот к примеру, существуют главные инженеры проекта, «гипами» называются, если станешь им – каждый день сможешь об научных сотрудников ноги вытирать.

– Я знаю, кто такие гипы, они космосом занимаются.

– Ага, – засмеялся я, – именно космосом, чем же еще. С космической зарплатой. Не тычь в мои раны, малыш. Когда-то давно я видел секретную платежную ведомость, из которой следовало, что с гипов каждый месяц удерживают партийных взносов больше, чем мой должностной оклад.

– Гип – это главный инженер программы, – поправил он меня. – Программы, а не проекта...

Школа, где училась моя дочь, располагалась недалеко – десять минут ходьбы. Мы пришли, и наша беседа прервалась. Работа мне предстояла обычная: сделать свет в мужском туалете. Мальчишки вечно лампу дневного света портили, чтобы по вечерам, когда музыкальные и спортивные секции, можно было вставлять ногами на унитаз, подтягиваться по трубе и заглядывать в щель между потолком и перегородкой. По ту сторону перегородки был, разумеется, женский туалет. Если света нет – тебя не видно, а ты видишь все. Короче, какие-то гаденыши догадались стартер из лампы выдергивать, поэтому не реже одного раза в неделю мне приходилось эту детальку возвращать на место.

Первое из дел отняло ровно минуту, но было и второе. Пожарный требовал, чтобы в коридоре возле компьютерного класса я сделал скрытую проводку, как полагается. Чем я и занимался последние два дня – выдалбливал канал в шве кирпичной кладки, куда должны лечь провода. Долбить стену, конечно, не входило в мои обязанности, ведь я электрик, а не штукатур, и в другой школе я бы плюнул на них всех, которые требуют от людей бесплатного трудового энтузиазма, но здесь училась моя дочь. Будет исполнено, пообещал я завхозу. Единственное условие – пусть потом заштукатуривает кто-нибудь другой. Рабочий по зданию, говорю, уже опух от безделья, вложите в его руку шпатель вместо стакана...

Я привел своего юного спутника в компьютерный класс и предложил:

– Садись, играй. Хочешь?

Работал кружок по основам информатики. Если можно так выразиться. Старшеклассники группировались по двое-трое вокруг ярких экранов и вели с процессором фирмы

«Диджитал» всевозможные смертельные схватки, а преподавательница отсутствовала – за порядком следил ее брат-студент.

– Мне нельзя, – ответил мальчик.

– Не стесняйся, здесь все играют. Я Сашу попрошу, он тебе отдельный компьютер подключит, вон тот, возле сейфа.

– Мне нельзя, – тоскливо повторил он. – Вы не понимаете.

– Что тебе нельзя?

– Я не имею права садиться за дисплей. Я постою и посмотрю, можно?

Он стоял все время, пока я был в коридоре. Забравшись на стремянку, я сотрясал школу монотонными ударами молотка о зубило, а когда слезал, чтобы передвинуть лестницу, то изредка заглядывал в класс – из любопытства. Он ни разу не присел. Он смотрел, как другие развлекаются. Кто-то бил по клавишам, кто-то азартно ерзал на стуле. Насыщенные цветом экраны вспыхивали и гасли, меняя картинки – они жили собственной жизнью. А гость только смотрел. Что за блажь, думал я, стряхивая пыль с халата, что за новая «фишка»? В каком смысле – «не имею права»? Кто и зачем мог запретить человеку сидеть за компьютером, и почему нельзя было нарушить запрет, если никто об этом не узнает, и в чем тут, вообще, смысл? Очередной заскок, думал я то ли с жалостью, то ли с раздражением. Необъяснимое поведение мальчика мешало мне спокойно работать, вынуждало торопиться. А о чем думал он, почему не уходил, почему ждал меня?

Я был занят час с небольшим. Когда же я пришел забирать гостя обратно, оказалось, что руководительница кружка уже вернулась. Баловство кончилось, голос женщины профессионально звенел:

– Ну, кто нам объяснит? Если мы сложим двести и двести, сколько получим? Четыреста! А машина выдает только сто сорок пять! Ну-ка, где ошибка, кто знает?

Народ весело переглядывался. Преподаватель привычно сердилась:

– Всех повыгоняю! Целый год Паскаль мусолили!

– Разрядная сетка переполняется, – тихо сказал мне парень. Его услышали, и наступило общее молчание. – В их программе формат данных задан как ВІТЕ, значит, под результат отводится всего восемь двоичных разрядов, – продолжал он еще тише. Он говорил для меня, для меня одного. – Машина суммирует до 255 и обнуляет регистр. Остается 145. Нужно заменить ВІТЕ хотя бы на ІNTEGER, это элементарно.

Лица юных программистов выражали сложные чувства, среди которых уже не было школьной радости. Да, красиво мы ушли. Напоследок я предупредил руководительницу кружка, что в понедельник вынужден буду обесточить компьютерный класс. Потом мальчик помог мне унести все барахло в комнату рабочего по зданию, и мы покинули школу.

Не знаю, имело ли какое-нибудь значение, что дорогу нам перебежал здоровенный котик? Не черный, просто темный. Я, конечно, не суверен, но незаметно перекрестил арку и на всякий случай поздоровался с подлой тварью: здравствуй, говорю, котик, симпатичный ты мой, говорю, – как известно, это помогает избежать грядущих неприятностей.

– Вы что, любите кошек? – удивился мой спутник.

– Зачем? – ответно удивился я. – Собак. Мы предпочитаем собак, но заводить их больше не хотим. Был печальный опыт. А ты?

Он не любил ни собак, ни кошек. Вернее, не любил он только кошек, а к собакам был абсолютно равнодушен. Есть люди, которые любят кошек и терпеть не могут собак, и есть люди, у которых все наоборот. Мальчик не относился ни к тем, ни к другим, но означает ли это хоть что-нибудь, кроме того, что вот такой уж он человек? Из всех домашних животных он отдавал свое сердце крысам... Крысам! Я был потрясен, когда понял, что это не вранье и не шутка. «Вы просто не знаете, – горячо объяснял он мне, – руки у них – как настоящие, маленькие такие, розовые, с розовыми пальчиками. И ножки тоже. А пальцев – ровно четыре! Не смейтесь, я

считаю не с нуля, а с единицы. И лица у них тоже почти как у нас с вами...» Мальчик искренне полагал, что крысы – это будущее человечества (надо же такое выдумать!) На самом деле, мне кажется, он любил не крыс, а все-таки будущее. Он постоянно думал о будущем, не прерываясь ни на секунду. Редкое и ценное качество, но вряд ли это безвредно для здоровья. Вряд ли.

– Как твои успехи в учебе? (Мы продолжали беседу). Похоже, у тебя высокая квалификация.

– Нет, у меня плохо по физике. Я не разбираюсь, как в двухмерном мире существуют, например, позитроны, фотоны и так далее.

– Странные у вас требования. Во всем остальном ты уже разбираешься, да?

– И еще никак не могу рассчитать, какова энергия, за счет которой происходят такие жуткие изменения структуры Галактики...

Я веселился, а он огорченно вздыхал. Какие, интересно, изменения происходят в структуре Галактики, мог бы я уточнить, пряча насмешку. И что же нам теперь делать, мог бы я притворно испугаться. Однако не стал. Наверное, пожалел ребенка. Или себя. Тем более, его нелады с физикой оказались серьезнее, чем казалось поначалу. Ведь он (стыдно признаться!) до сих пор не смог понять: есть ли у хаоса цель, или только ограниченный набор функций? Смех смехом, а ему действительно было стыдно. «Причем здесь физика? – возражал я. – Скорее, философия. Главный вопрос бытия». – «Хаос – это термодинамика, – убеждал он меня, несмышлениша. – А термодинамика – один из разделов физики...» Воистину, даже просто умным быть вредно для здоровья!

– Кстати, почему тебе нельзя подходить к компьютеру? – наконец вспомнил я. – Может, расскажешь? Я умею хранить чужие секреты.

Он долго молчал, прежде чем признаться:

– Я поклялся.

– Ого! – сказал я. – Черт возьми! Кому и в чем?

Он не ответил. «Герой дня оставил вопрос без комментариев», – пишут в таких случаях. И до самого дома мы не смогли найти другую тему для разговора, так и брели, молчали. Ишь ты, обиженно думал я. Щенок щенком, а туда же – «поклялся». Тайна, зарытая в землю, рыцарский роман... Если честно, этот парень нравился мне безумно. Неведомая клятва, любовь к крысам и информационным технологиям, безрассудные поиски отца и даже замена десятичного мира восьмеричным – все это ломало мою окостеневшую душу. Рядом со мной шагал истинный романтик. Новый романтик. Было в нем что-то, чего не было во мне. И тогда я спросил его о том, что мучило меня все время, пока мы путешествовали в школу и обратно. Я решил спросить, потому что понял – с таким человеком можно говорить о чем угодно, не опасаясь причинить ему боль.

– Ты что, один остался? Есть у тебя бабушка-дедушка? Или сестра, брат?

– Старший брат был, – равнодушно отозвался мальчик.

– Что значит – был?

– Погиб. Убили на войне.

– На ка...какой войне? – Я остановился, забыв идти.

– В боях за Грозный, в июле.

Это было слишком. Чересчур. Запредельно. В июле – значит, совсем недавно, два месяца назад... Что за демон играет с несчастной семьей, думал я, понимая, что никаких вопросов больше задавать не захочу. Какие тут могут быть вопросы? Разве что один, спустившийся с высших сфер термодинамики: «Есть ли у хаоса цель или только ограниченный набор функций?»

Я пошел домой, а мальчик остался, сказав, что еще погуляет, поиграет с моей дочкой. Дочь была на детской площадке, качалась на качелях. Возвращайтесь вдвоем, сказал я в ответ,

жена блинов напечет, приходи, не стесняйся. Вот такие последние слова он услышал от меня, до того как исчез.

Не мое это дело, убеждал я себя непонятно в чем, стиснутый кабиной лифта. Все это – не мое дело...

CONTINUE LOAD (загрузка)

12.

Еще и еще раз – поражающие воображение картины Первой Атаки.

Сначала имитационная модель, подготовленная пятнадцать Единиц назад инженерами-тактиками врага. Бессчетное число стай – в одно и то же мгновение! – внедряются в Узлы слияния, замыкают Узлы ветвления, нейтрализуют пояса призматических ловушек, блокируют Входы-Для-Всех, заполняют трехмерное пространство. Сигнализация сходит с ума, и пусть. Гипархат Узора до смешного мал – всего десяток объектов, занимающих крохотный объем в центре колоссального Фрагмента. Мгновения достаточно, чтобы окружить их. Мгновение – и сломлен растерявшийся персонал...

Однако к этому секретному документу, украденному из информационного хранилища музея Славы, есть приложение: реальная запись Первой Атаки! Грянувшие события значительно отличаются от манящих имитаций, и это обстоятельство бесконечно радует стянутого коконом мальчика.

Он хохочет.

Отвратительная лохматая морда, прикрытая дыхательной маской, склоняется над ним...

На самом деле персонал атакованного гипархата Узора отнюдь не сломлен! И контроль Узлов не становится всеохватным, и технические Входы свободны. В занятых звероидами объемах обнаруживаются военные Тоннели, не учтенные в картах, по которым агрессор получает чувствительный ответный удар. И раскручиваются, плескаясь огненными каплями, вихри боев, быстро превращаясь в суетливую бойню. Увы, силы слишком уж неравны. Ни храбрость, ни ярость защитников не могут разжать звериную хватку, однако вполне способны скорректировать просчитанный заранее результат. И вот – короткая осада уже доносит до раздутых ноздрей гарь победы, крепости разделены, расчленены, уже почти захвачены, безнадежное сопротивление уже почти угасло, когда все вдруг кончается. Там, где были аккуратные пластиковые планеты, вспыхивают звезды. Одна за другой. Безымянные герои-инженеры, руководимые мужественным гипом, успели за столь малое время – успели! – накопить и запустить спасительную аннигиляционную волну, сжигая тайну Метро, сжигая себя вместе с тайной. В пространстве нет больше ничего. Лишь нестерпимая яркость. Лавина света накрывает системы записи: стоп, перегрузка информационных куполов.

Огонь, огонь, огонь... «Я люблю огонь!» Мальчик зажмуривает глаза, пряча поглубже эти прекрасные воспоминания. Именно так – пятнадцать Единиц назад, – и перестала существовать Полная Карта. Но где он сумел увидеть подобное, откуда в его памяти возникли столь странные картинки?

– Опять не то, – старчески ворчит кто-то. – Попробуем еще сместить спектр.

Отвечает монотонный голос декодера: «У вас, людей, на мозгах такая короста, что разбивать ее нужно камнем, а не модулирующими программами. Ты знаешь, что такое камень, старик?»

– Мне же больно! – обижается мальчик. Он тщетно растягивает руками кокон, пытаюсь выбраться.

«Ваша Резвость, в соседнем Октаэдре раскручивается фотонная воронка, – сотрясает купол чье-то сообщение. – Прикажете заблокировать базу?» Это боец-оператор посмел напом-

нить властителю о своем существовании. Лингвистическая аппаратура неспособна передать то почтение и ту преданность, что наполняет пространство лаборатории.

«Пока подождем».

– Да выньте из меня эту дрянь! – кричит мальчик.

Он возмущен, он хочет освободиться и вырвать, наконец, застрявшие в ноздрах провода. Руками не получается, значит – зубами, зубами. Провода твердые, прямые, мучительно острые. Иногда они шевелятся, вызывая в носу гадкий зуд, а то вдруг нагреваются и оказываются нестерпимо горячи. . . «Это называется „нейро-антенна“», – вспоминает мальчик, гордясь своей сообразительностью. Да, но что такое нейро-антенна?

Вновь включается декодер:

«Возможно, нам и в самом деле следует заблокироваться. С фотонной бурей не шутят. Как ты думаешь, старик?»

– Неужели величайший из надстаевых испугался бури, идущей к тому же не в нашем Октаэдре? – насмешливо удивляется некто. – Я думаю, твоему вождю сильно не понравится, если мы по этой причине прервем исследования.

«Эй, вы там! – внезапно рычит зверь, обрывая спор. – Куда смотрите! Он вам модулятор перекусит!»

Морда, стянутая дыхательной маской, мгновенно возникает над коконом. Провода в носу пленника становятся нестерпимо большими, заполняют собой все, разрывают голову. «Больно!» – мечется пленник. Обступающий его пластик заволакивается красным. Наверное, это кровь. «Враги точно знали, насколько ценна служба Узора, – плачет он, – ведь без стратегической информации о сплетениях Нитей невозможно контролировать Галактику, невозможно организовать сколько-нибудь целенаправленное передвижение по Тоннелям и Узлам. . .» Кровь повсюду. Купол раскалывается. . .

Безудержный хохот сменяет боль и слезы, потому что вернулось время радости! В результате провала Первой Атаки звероидам не удался стремительный захват Галактики. Гипархат Узора взорван, Полной Карты больше не существует. Число Фрагментов огромно, а как проникать в них – неизвестно, разве что тычась по Тоннелям наугад. Война затянулась. Враг медленно, но все же распространялся вглубь, вширь, по каждой из десяти осей в Системе Координат. Увы, другие гипархаты, обслуживающие Метро, равно как и живущие собственными жизнями Фрагменты, также лишились Полной Карты, оставшись со стихией один на один. Конечно, в любом из административных и инженерных центров хранились копии каких-либо межфрагментарных маршрутов – тех, что использовались до войны. Кто-то обладал выходами на курьерские Прямые Тоннели, позволяющие двигаться вдоль Координат, кто-то тщательно оберегал, держа в строжайшем секрете, местные карты. Однако все это не позволяло преодолеть внезапную губительную разобщенность. А расколотость Галактики на куски, в свою очередь, неизбежно вела к тому, что люди целиком сосредоточились на обороне. Гипархаты – в Метро; Фрагменты – в пространстве; каждый – сам за себя. Глухая защита стала единственным средством сдерживать врага. Никто всерьез не думал о настоящей, сокрушительной контратаке, чтобы прямо в сердце, одним ударом, не думал, не планировал и не мечтал. Никто, кроме рожденного стихией мальчика, взрослого вместе с войной, чье прозвище теперь произошло либо с ненавистью, либо с удивлением и гордостью. . .

– Священная Восьмерка! Что за мусор у него в голове?

«Ты прав, старик, мы зря расходуем отпущенное нам время».

– Я совсем не это хотел сказать, надстаевый.

«Ваша Резвость, фотонная буря смещается в направлении Сорок Седьмого. Какие будут приказания?»

«Уходим. Консервируем аппаратуру».

– Я остаюсь.

- «Конечно, старик, возвращайся к своим подданным. Вас тут скоро здорово потрясет».
- И оставь мне парня.
- «Ты хочешь продолжать исследования?»
- Хочу выполнить приказ вождя, довести дело до конца.
- «Приказ вождя известен только мне.»
- Послушайте, вы, друзья мои лохматые, работать с ним – это мое право! Кто, в конце концов, придумал всю эту комбинацию?
- «Я не могу рисковать пленным».
- Твари! Носитель Гнева вам в темя!
- «Мы тебя прощаем, бывший властитель. Твое единственное право – ненавидеть нас».
- Тоннели вам в резонанс...

13.

...Тоннели здесь – словно червями изъеденные, словно сгнившие, осыпавшиеся, космическими ветрами растрепленные. И количество, огромное их количество! Сплетаюсь в пучки, соприкасаясь трухлявыми плоскостями, призрачные ленты Тоннелей тянутся сюда со всех сторон трехмерного мира, чтобы слиться в сплошной бесформенный ком. Клубок, намотавший на себя брошенные концы Нитей... Однако первые впечатления обманчивы. Совсем не к этому крохотному куску галактической паутины направлены вектора Метро, а наоборот, Тоннели выходят отсюда, расползаются отсюда по Фрагментам, ибо здесь их начало. Все просто. Это – Центр.

У Метро есть Центр, как же иначе. Который, что совершенно естественно, никаким образом не привязан к топологии или к нулям всевозможных координат, мало того, смешно сказать, расположен на самом краю Галактики. Он ведь Центр в историческом смысле, в легендарном. Легенды не нуждаются в унижительных проверках или доказательствах, вот почему было принято считать, что когда-то очень давно, бездну времени назад, Метро ограничивалось именно этим Фрагментом. Или (невозможно представить!) занимало еще меньший объем. И оттого, что кто-то не соглашается с подобными гипотезами, техническое состояние здешних Тоннелей и Узлов не станет лучше. Центр – самая дряхлая часть Метро, с этим трудно спорить. А значит, самая древняя. Центр не обновлялся никогда, из-за чего превратился в лохмотья, бестолково плавающие в трехмерном пространстве. Тоннели и Узлы слиплись комьями, скрутились жгутами, заполнили почти весь объем гигантскими невидимыми облаками, их здесь было понастроено бессмысленно много, и строились они с недопустимой спешкой, недопустимо близко друг от друга, при полном отсутствии хоть какого-либо плана, попросту наугад, словно древние инженеры соревновались – кто больше, кто дальше, кто быстрее, – эта непомерная скученность, очевидно, и была причиной всех бед...

Стая останавливается на границе Фрагмента. Слаженно рассредоточившись по Тоннелям и Узлам, построившись классическим «боевым октаэдром», стая ждет.

«Грани под контролем, Ваша Резвость», – докладывает стаевый, непосредственно руководящий операцией.

Их Резвость следит за ходом событий издалека, из штабной резиденции. Связь по Всеобщей приносит его высочайший отклик: «Партнер на месте?»

Да, партнер на месте. Вот он, спрятался во Входе, готовый шмыгнуть в трехмерное пространство, чуть что не так. Представлен всего одним кораблем – транспортного класса «Толстяк». Впрочем, партнер явно не опасается подвоха, если прислал на встречу один-единственный плохо вооруженный аппарат. Это понятно – стая звероидов вряд ли рискнет пересечь запретные грани, ведь по ту сторону – Центр.

Никто не смеет вторгаться в Центр, ни бойцы гипархатов, ни звероиды. Бортовые системы безопасности дают возможность оценить состояние рабочих плоскостей Тоннелей, их невообразимую скученность, оценить и ужаснуться. Не только атаковать, но и просто передвигаться здесь невозможно без редкостного знания маршрутов. Иначе выскочишь в одну из миллионов дыр и не найдешь траекторию входа. Навсегда потеряешь свой мир. Так и останешься в бесконечном Космосе, без связи и без надежды. Или, если повезет, выбросит тебя не в пространство, а в другую плоскость...

Как здесь живут люди?

И не сон ли все это?

«Покажите им нашего дурачка, – командует господин надстаевый. – Пусть убедятся».

От стаи отделяется «Универсал» с бортовым знаком «Плюс». Необычный для звероидов аппарат ползет к центру, повинувшись командам вожака. Включается Всеобщая. Внутри корабля

обнаруживается человек, крепко схваченный капитанским коконом, и более никого, только этот одинокий обездвиженный пленник. Изображение уходит в канал связи. Пусть партнер убедится, что все без обмана!

– А мне? – говорит пленник, бессмысленно улыбаясь в нависающий над ним купол. – Мне тоже покажите дурачка. – Он вдруг обижается. – Почему мне не показали?

На его реплику никто не обращает внимания. Движение «Универсала-Плюс» сопровождается коротким самодовольным рычанием, и декодер исправно переводит: «Мы доставили того, кто вам нужен. Мы дарим вам его».

Только тогда пугливый «Толстяк» оживает, неуклюже выбираясь в Тоннель. Операция началась...

Как здесь живут люди? Однако живут – на удивление всей Галактике. Древние маршруты никто не обновляет, потому что это бесполезная трата сил и средств. Ни один гипархат Пустоты не желает взвалить на себя обслуживание гигантского полуистлевшего клубка, потому что местные Тоннели и Узлы придется сначала уничтожить, и только затем, уже в освобожденном пространстве, скручивать новые. Что же удерживает людей в этом Фрагменте, расположенном на краю Галактики и носящем нелепое название Центр? Что позволило им добиться влияния, сравнимого с влиянием могущественных гипархатов? Возможно, та самая невозможность нормальной жизни, сделавшая их свободными от всего и всех. А может, вера в то, что именно здесь Метро получило свое Начало. Легендарная планета-источник, превратившаяся за многие тысячи галактических циклов во вселенскую Точку, целиком принадлежала Центру, независимо от того, существовала она когда-нибудь или была выдумана системными жрецами. Сила древних легенд заключена в простых словах, написанных с большой буквы. «...И вспыхнула Точка, и родилась из Точки Плоскость...»

Красивый сон, не хочется просыпаться...

Всеобщая принимает ответное сообщение, пришедшее из Центра:

– Наш подарок тоже готов, раскройте ваши пасти пошире.

Чтобы понять эти слова, декодер не требуется, потому что сказаны они человеком. Человеком, знающим свою силу, привыкшим повелевать. Это слова собеседника, равенство которого признает Их Резвость из династии Бархатных, и даже, наверное – страшно подумать! – тот, чье имя вслух не произносят... Пленник «Универсала» восторженно кричит: «Ух ты, обожаю подарки!» Пленник ни на миг не прекращает идиотски улыбаться, разглядывая картинки, которые дарит ему Всеобщая. Он напряженно размышляет: сон все это или не сон? Изображение высочайших собеседников заблокировано, зато отлично виден путь вперед.

Состояние Тоннелей здесь, по эту сторону границы, не намного лучше – близость к Центру дает себя знать. Прогрессирующая ветхость расплзается по Метро, как опухоль в теле грешника. Структура плоскостей уже настолько нарушена, что своды попросту дырявые. И скопление Нитей здесь столь же бессмысленно, что и там, впереди. Плоскости наслаиваются друг на друга, сбивая с толку бортовые системы. Теснота и фотонный мусор.

Недоброе место.

Впрочем, построение «боевым октаэдром» позволяет избежать неожиданностей, так что стае звероидов нечего бояться. Операция началась.

– Ловите, мохноухие, – смеется бестелесный голос, – это теперь ваше.

Из подбрюшия «Толстяка» выталкивается некий предмет.

– Хочу посмотреть! – просит, вибрируя от любопытства, юный зритель из «Универсала». Он изо всех сил тянет шею, но капитанский кокон держит его крепко. К счастью, информационный купол отрабатывает прозвучавшую просьбу, приняв ее за команду. Изображение несколькими стремительными прыжками укрупняется, словно раздвигая борта корабля. «Подарок» виден в деталях: прозрачный овоид, внутри которого, в густом сплетении разноцветных волокон, висит ванночка.

– Фу, так это же Яйцо, – узнает пленник. – Какая гадость... – он перестает трепыхаться, полностью удовлетворенный, но слегка разочарованный. И вдруг спохватывается. – Эй, бластомеры! В такой кювезе человека не получить. Сами не видите, что ли?

Ванночка, называемая кювезой, и в самом деле очень странной формы. Подсаживать туда эмбрион нельзя, иначе вылупится из Яйца несчастный полуживой урод – если, конечно, не погибнет раньше срока. Инкубатор явно не годен к употреблению, хоть и новехонький. Зачем все это понадобилось?

Юный зритель хохочет:

– Кто-то кого-то здорово обжулил, ребята!

«Пора отключить дурака, – переводит декодер ворвавшееся во Всеобщую рычание. – По моему, партнер уже убедился. Партнер, ты убедился?»

– В определенных ситуациях тебе можно доверять, твоя резвость, – откликается человек из Центра. – Так же, как и мне. Нельзя только злоупотреблять этим чувством. Надеюсь, я не сказал ничего обидного?

Пленник все отдаляется и отдаляется от стаи, погружаясь в пучины Центра. «Универсал-Плюс» управляется на расстоянии: бортовая система корабля замкнута на резиденцию господина надстаевого. Инкубатор, наоборот, скользит навстречу, быстро приближаясь, и узловые капсулы звероидов уже разматывают транспортный язык, чтобы принять этот странный подарок.

«Канал управления „Универсалом“ мы передадим, когда ваш объект будет осмотрен,» – сообщает свое решение Их Резвость.

– Согласен. Со своей стороны предупреждаю, что ключ от системы самоуничтожения инкубатора я тоже пока придержу у себя, вместе с кодом активизации Яйца и настроечными матрицами.

Операция завершается. Участники встречи вот-вот обменяются драгоценными дарами и растворятся в Метро, недолго осталось ждать...

Нет!

Тщательно просчитанный план рушится до смешного легко. Внезапно начинает пульсировать Всеобщая, отключаясь и через микро-миг снова включаясь – синхронно во всех капсулах звероидов, и в «Универсале», и в «Толстяке», и в каждом из прочих аппаратов, имевших несчастье оказаться в этой точке плоскости. Словно лихорадка охватывает системы связи. Большая нервная дрожь. Мало того, картинки под информационными куполами вдруг теряют объемность и цвет. И тогда Тоннели сотрясаются от дружных воплей: «Блуждающий текст!.. Он проснулся!.. Он нас видит!.. Это Носитель Гнева!.. Носитель Гнева проснулся!.. Носитель Гнева!..»

«Всем стоять! – ревет господин надстаевый. – Соблюдать строй!»

– Гоните «Универсал» к нам! – беснуется человек из Центра. – На максимальной скорости!

Однако поздно, связь уже полностью утрачена. Никто никого не слышит и не видит. Теперь лишь блуждающий текст сверкает в почерневших куполах:

«Есть существа, которые делом своей жизни полагают придумывание Меня. Меряя шагами выстроенную для них Келью, они самозабвенно делают это. Они устремляют взгляд в сияющую бездну, а глаза их видят только ими видимое. Они прилежно молятся Мне Придуманному, забывая о братьях, о матери, о детях, об истинном Отце своем, с наслаждением забывая обо всем, обо всем истинном. Ты – один из них?»

– Я? – удивляется пленник.

Слова рассыпаются. Ослепительные буквы кувыркаются в мертвом пространстве Всеобщей, безмолвно заглядывают в лица и морды, затем, невообразимо увеличившись в размерах, выпрыгивают из капсул и кораблей прямо в Тоннели. «Носитель Гнева» веселится.

Связь утрачена, однако бортовая система позволяет контролировать небольшой участок пути в зоне прямой видимости. Жаль, но хозяин «Универсала» не имеет возможности встать, найти боевую маску и полностью подчинить бортовую систему своей воле, поэтому он просто смотрит. Он с искренним любопытством наблюдает за событиями, которые разворачиваются вокруг него. «Сплю или не сплю?» – думает он, и только эта неопределенность мешает получить удовольствие в полной мере.

Появляются новые действующие лица, проникшие в Тоннель сквозь многочисленные дыры. Они похожи на большие кристаллы, брошенные чьей-то исполинской рукой. Их пять. Они мчатся к месту событий, будто связанные одной нитью – устранив вращаясь, маневрируя между стенами, чтобы уйти из фокуса боевых призм.

«Толстяк» и в самом деле панически лупит по вертким мишеням из своего рассеивателя. Но промахивается, отправив убийственные импульсы к себе же в тыл. Впрочем, его неповоротливая туша почему-то не интересуется летающие кристаллы. Не сбавляя хода, они огибают транспортный корабль Клона и мчатся дальше.

Дальше – инкубатор. Святой предмет для тех, кто называет себя «детьми Клона», он же источник гадливой ненависти для всех остальных обитателей Галактики. Совершенно беззащитен и потому обречен. «Толстяк», правда, успевает развернуть боевую призму, и даже ударить вслед загадочным объектам, отчаянно пытаясь спасти свою святыню. Но опять промахивается: оба импульса уходят к звероидам, в качестве новых «подарков», заменяющих прежний. Кто-то из стаи наверняка будет разложен по спектру, вряд ли это понравится Их Резвости...

Ничего загадочного в новых объектах, конечно, нет, хоть и носят они грозное название «зубы Странника». Сгустки сверхплотного света, полученные в тайных лабораториях. Созданы и посланы людьми, кем же еще. Чтобы управлять ими, Всеобщая не требуется, не нужны ни закрытые, ни открытые информационные каналы. Зубы Странника наводятся в цель по экситонному лучу – единственно возможный способ атаки, если связь не работает. Наведение «по лучу» – старинное дедовское искусство, возрожденное людьми Центра. В наше бездарное время, когда все накопленное стремительно превращается в прах, подобная бережливость должна только радовать.

Мальчик искренне радуется.

Первый из сгустков настигает инкубатор. Мгновение, и проекции двух тел полностью совместились. То, что невозможно в материальном мире, срабатывает на Плоскости – атакующий как бы входит в жертву, исчезает в ней. Меньший поглощается большим. Обычная тактика воров и контрабандистов. А также диверсантов, засылающих к врагам управляемые беспилотные снаряды.

Еще мгновение, и снаряд взрывается. Или, возможно, срабатывает система самоуничтожения, предусмотренная создателями Яйца. Овоид лопается, волоконная плацента жалкими лохмотьями разлетается по Тоннелю, тут же превращаясь в страшные огненные капли... «Как красиво!» – радуется мальчик. Он в восторге, он очень любит огонь.

Четыре оставшихся снаряда пронзают бурлящую завесу, умывшись чистым светом. Они устремлены к завершающей точке своей траектории. «Универсал-Плюс» прямо по курсу – такой же беззащитный, брошенный всеми, каким был инкубатор мгновение назад. Стая – далеко, вне зоны прямой видимости. Звероиды растерянно крутятся на месте. Связь заколдована, сожги их всех Желтый Глаз!

Связи нет. Черно-белые картинки в информационных безднах искажены, смяты под напором стихии. Пляшущие буквы вновь складываются в огромные бессмысленные фразы,

ибо проснувшийся Носитель Гнева все швыряет и швыряет в Тоннели горсти своего Абсолютного Отчаяния:

«Эти существа ослеплены тайной гордыней. Их сжигает жажда высоты – чтобы оставшиеся внизу не сомневались в их избранности. Они мечтают быть ближе ко Мне, бесконечно сражаясь с трепыхающимися в них тварями. В точности, как ты сейчас...»

Нет, нападавшие просчитались! «Универсал» оказывается не столь уж легкой добычей, как это кому-то хотелось бы. Управление вовсе не потеряно – бортовая система неожиданно активизируется. Чья воля, чья сила помогла этому? Пленник не знает ответ. Так или иначе, но корабль уже развернулся, уже убегает прочь от Центра. И все же опытные хищники, поймав след, не собираются просто так отпускать жертву. Кристаллы замедляются, выписывая сложнейшие траектории. Ага, опять бояться ударов из призматического рассеивателя! Замедлились – значит в их планы не входит уничтожение корабля. Что ж, это тоже известная тактика: дружно совмещаешься с объектом, и ведешь его, куда пожелаешь. Два сбоку, один спереди, один сзади. Потому их и четверо, ровно столько, сколько надо. И никакое защитное поле не воспрепятствует подобной буксировке. И будет новый плен, новый позор...

Мальчик счастливо смеется. Ему ужасно нравится это приключение. Теперь он точно знает, что спит. Нет ничего приятнее, чем ощущать себя ненастоящим, прозрачным, маленьким.

Но управляющая программа, неизвестно кем вложенная в память «Универсала» и непонятно как пущенная в работу, учла все варианты. Боевая призма смотрит назад, причем, фокусировка оружия намеренно нарушена. Угол поражения выведен далеко за максимум. Уничтожить таким образом никого нельзя, зато и приблизиться никто не сможет, и еще, что особенно важно, обойти корабль с флангов будет трудновато. Стустки прессованного света роятся возле пульсирующего сечения, тщетно пытаясь преодолеть преграду.

Этакой дружной компанией они и вползают в зону прямой видимости звероидов. Приказа все нет, есть только всплески абсолютной вселенской грусти:

«Зачем тебе быть ближе ко Мне? Ведь ты не смог полюбить Меня. И не сможешь, как бы отчаянно не мечтал. Потому что не смеешь увидеть Меня – и придуманного, и, тем более, истинного. Ты благоговейно трепещешь, трус, вместо того, чтобы понять Меня и простить, ты догадываешься, что стать ближе ко Мне можно лишь отправив собственное тело на съедение червям...»

Все кончено: включены штурмовые рассеиватели «боевого октаэдра». Передовые капсулы стаи рвутся вперед, решившись наконец помочь своему пленнику. И врагов больше нет.

И блуждающий текст, смутив души героев Космоса, уходит, распадается на кванты, вытекает в пространство сквозь дыры и Входы...

«Стаевый, отвечай! – возвращается во Всеобщую многократно усиленный рев, теперь уже совместно с изображением. Повелитель тварей разъярен до опасного предела. – Отвечай, обрубок воина! Когти вырву! – брызжет он мутной пеной. – Неуловимого не отдавать, вы слышите меня? Вернуть или уничтожить! Всех лишу права стрижки! Уничтожить дурака! Хвосты обратно в задницы повтыкаю!»

Операция закончилась. Сон продолжается...

14.

– ...он и есть Неуловимый? – спрашивает голос. Опять человеческий голос!

«Для тебя он был Неуловимым, – отщелкивает декодер, – но я его поймал».

– Что ты поймал? Эту ошибку природы?

«Ты несправедлив, великий вождь. Я привез тебе врага. Взгляни, он тоже Истинный, у него меченая прядь. Мы сначала решили, что волосы седые, но проверка показала...»

– Я и так вижу, у парня на голове Печать. Какой формы?

«Печать в форме знака „плюс“, используемого людьми в математических операциях».

– Плюс? Любопытно. По каталогу проверяли?

«Ты же знаешь, великий вождь, что каталог неполон. Отсутствует геральдика древних родов Управления, отсутствуют многие довоенные символы...»

– Иначе говоря, и здесь неудача?

В ответ – молчание. Сон продолжается. Мальчик щурится, ожесточенно моргает, сражаясь с бьющим в глаза ослепительным светом. Голова – это колокол, звуки наполняют ее тяжелым гулом. В комнате двое. Смешная симпатичная тварь вольно сидит на коврик, а человек, кутающийся в пестрый халат, меряет шагами залитое светом пространство. Над головами плавают пластины декодеров.

– Разве я несправедлив, друг Бархатный? – голос человека вспыхивает, как звезда. – Ловушки для этого парня придумал старик, а не ты. Он же нашел в Центре достойного партнера. Когда одна из сотен ловушек наконец сработала, тебе оставалось только не испортить дело. Но, согласись, в результате мы имеем сплошную неудачу. Даже девчонку ты упустил...

«Сожги меня Желтый Глаз! Как же было ее не упустить, друг Гладкий, они бы просто взорвали себя и моих бойцов. Вы, люди, умеете красиво умирать».

– Базу свою он все равно взорвал! – кричит человек. – Вместе с твоими инженерами! Обманул он тебя, король ошипанный!

Зверь, легко привстав, выпускает когти из подушечек пальцев. Несколько мгновений он терзает ковер.

– Было очень смешно, мне понравилось, – вдруг сообщает мальчик, громко и отчетливо. – Я, кстати, люблю огонь.

Собеседники смотрят на него.

«Великий, ты плохо сказал про меня», – вступает декодер.

– Забудь мои слова, друг Бархатный, если сможешь. Я сожалею о сказанном.

«А я сожалею, что был виновником твоего гнева, – соглашается декодер. – Когда мы сняли Неуловимого с корабля, ему действительно было очень смешно. Хохотал, не переставая. Потом у него началась икота. Хороший был солдат...»

– Когда вы добрались до него, он успел сделать себя чокнутым, – вновь вскипает человек. – А «Универсал», на котором наш враг покинул базу, оказался с игрушечной бортовой системой. Как же от всего этого не разгневаться?

– Нет, не чокнутый, – обижается юный пленник. – Неуловимый – он Истинный, он герой Космоса.

Вытащив из волос мерцающую серебром заколку, мальчик распускает длинную, ни разу не состригавшуюся белую прядь, и сосредоточенно наматывает ее себе на палец.

– Вы хорошо допросили придурка? – оглядывается на реплику человек в халате.

«О самом себе он не знает ничего. Охотно рассказывает новейшую историю Галактики. В точных дисциплинах ориентируется лучше моих первых инженеров. Совершенно серьезно рассуждает о том, как восстановить Управление и как выбрать нового Генерального Директора. Применялись все средства вашей психотроники, великий вождь».

– Я ему не завидую. Сделаем так: снова отправим парня к старику. Надо одолжить у партнеров из Центра специалиста по спектро-программированию мозга. И разберись, что это за Истинный такой нам попался, со знаком «Плюс»! Возьми в плен побольше историков. Наверняка в Галактике есть другие старики, кроме нашего, которые помнят о Печатах гипов побольше краденых каталогов...

Речь великого вождя распадается и складывается, бесформенными тенями летает по миру – как во сне. Колокол бьет, не переставая, седая прядь закрывает глаза. Сон...

– ...Но все это неважно. Есть дело поинтереснее, иначе бы, сам понимаешь, я тебя не вызвал. Где инкубатор, надстаевый?

«Великий вождь...»

– Мне надоели неудачи. И я, не буду скрывать, давно присматриваюсь к династии Твердолапых. Среди них, конечно, нет таких храбрецов, как ты, друг Бархатный, зато работают они не в пример надежнее. За Мерцающие Усы я спокоен. Не отдать ли этим парням еще и Галактику? Вот теперь можешь говорить, Ваша Резвость.

Тварь внимает своему хозяину, приняв позу безусловного послушания. Однако, не сдержав чувств, меняет ее на позу вопроса:

«Великий вождь, ты странно мыслишь. Разве можно было предусмотреть такое совпадение – пробуждение Носителя Гнева и атаку сектантов? И почему ты называешь операцию неудачной? Обмен не состоялся, но Неуловимый – вот он, перед тобой. Партнер готов изготовить новый инкубатор, партнер полон решимости найти и уничтожить заговорщиков в своих рядах, партнеру все еще нужен Неуловимый. Обмен обязательно повторится, вождь. А Твердолапые – не воины, разве ты забыл?»

Человек в халате ложится боком на подстилку и снимает с одной из игл кусок мяса. Он жует лакомство, скалясь.

– Слушай, Бархатный, а чего, собственно, твои бойцы испугались? Отборная стая, гордость Голого Народа... Кого ты послал? Отборных трусов?

Их Резвость ложится брюхом на пол и прячет морду в лапах – от нестерпимого стыда.

«Было знамение... – униженно шипит он. – Носитель Гнева просто так в Метро не появляется...»

– А зачем, по-вашему, он появляется?

«Предупредить или покарать. Перед фотонной воронкой, перед разломом Плоскостей, перед Большим Резонансом...»

– Понабрались суеверий у людей, – с неожиданной горечью говорит вождь Гладкий. – Большой Резонанс им подавай. Скоро на задние лапы встанете, чтобы передними молиться. – Он выплевывает остатки еды и очищает пальцем рот. – Будете копить записи своих деяний и торжественно жечь их в храмовых поглотителях... К твоему сведению, король зверей, имя «Носитель Гнева» вы сами и придумали, маленькие напуганные тварюшки. До вас люди называли это явление Дыханием Истины. Иногда – Белым Странником. Потому что никакое оно не знамение, а просто блуждающий текст, выстригите это у себя за ушами, храбрецы!

«Убей, меня, великий, – стонет надстаевый. – Заменяй меня на кого-нибудь из Твердолапых. Они не испугаются блуждающего текста, они неграмотные».

Человек брезгливо смеется:

– Поднимись, Бархатный, мы пока еще друзья!

«Посади меня в блошиную яму, великий. Назначь вместо меня нестриженую самку из общей норы...»

– Я не Носитель Гнева, – смеется человек, – но сердиться тоже имею право, согласись. Особенно, когда есть из-за чего. Поднимись, друг. Ты узнал, кто взорвал Яйцо и чуть не увел «Универсал»?

Звероид отряхивается, приводя себя в надлежащий вид.

«Я узнал, хозяин. Их называют рабами Носителя Гнева. Секта изгоев, которая пополняется сбежавшими из разных Клонов бластомерами. Они преступники даже по понятиям Центра».

– Сами себя они называют рабами Белого Странника, – поправляет вождь. – Ослушаться Дедушку – да, это преступление... Вот ты сказал, что партнер найдет их и уничтожит.

«Конечно».

– Нет, друг Бархатный, не надейся. Как ты думаешь, почему заговорщики пощадили «Толстяк»?

«Из-за нехватки управляемых снарядов».

– Ошибаешься. Просто «дети Клона» никогда не убивают себе подобных, даже если они произошли на свет от разных Дедушек или считают друг друга предателями. Нашему партнеру очень непросто будет обеспечить безопасность при организации нового обмена. Он соврал, если обещал это.

Зверь осмеливается возразить:

«В следующий раз, хозяин, заговорщикам не поможет Носитель Гнева. Ни также Белый Странник, как называют его они, ни Дыхание Истины, как называешь это ты. А с людьми я справлюсь, тем более, с пустоголовыми бластомерами». – Бархатный неуловимо и зло бьет лапой воздух.

Вождь Гладкий ломает двумя пальцами иглу с нанизанными на нее кусками мяса.

– Я называю это блуждающим текстом и никак иначе, – напоминает он. – И знаешь почему? – Он резко встает. – Помнится, ты тут благородно возмущался – мол, какие заговорщики бесчестные, воспользовались высшим знаменем ради трусливой атаки, мол, разве можно было предусмотреть такое совпадение... – Вновь он меряет шагами пространство своего жилища. Следить за передвижениями вождя очень трудно, ибо жилище его не имеет стен. Лишь голос его остается на одном месте – в голове у спящего мальчика.

Декодер формирует торопливый ответ гостя:

«Согласен, великий. Сбой в системе связи можно и нужно было предусмотреть. Что ты и сделал за меня. Именно ты приказал ввести в бортовую память корабля программу, которая запускается в случае обрыва канала связи. Я не снимаю с себя вину. Только благодаря твоему гениальному умению видеть суть событий, операция не закончилась катастрофой».

– Сколько слов, и все мимо, – вождь Гладкий вновь выплывает из тумана. – Дело обстоит гораздо проще. Рабам Белого Странника известны ритуалы, с помощью которых они умеют вызывать фрагменты блуждающего текста. А мне известно, что такая возможность существует. Вот и вся гениальность. А у тебя, надстаевый, отвратительно работает служба безопасности, если такие вещи тебе до сих пор неизвестны.

«Значит, это не было случайным совпадением?» – поражен звероид.

– Я рад, что ты наконец меня понял.

Ухоженный, переливающийся на свету хвост Бархатного нервно подрагивает, выдавая чувства звериного короля.

«Я заслужу твоё прощение! – внезапно подпрыгивает тварь. – Я заставлю врагов жрать форс-пластик их собственных крепостей! Отныне причиной твоего гнева будет только жестокость моей мести!»

Вождь Гладкий не отвечает. Молчит, задумавшись о чем-то. Тянется пауза, превращая беседу в нечто ненастоящее, искусственное. Мальчик трясет головой, силясь стряхнуть тот камень, что тянет его разум обратно в бездну. Вождь поворачивается и смотрит на него – смотрит долго и странно.

– Вообще-то, друг Бархатный, я о другом хотел сказать, когда заговорил о наших неудачах.

«О чем, великий?»

– Рабы Белого Странника никогда не использовали тайные знания для решения боевых задач. Вызываемые ими тексты – это ведь святыня. Но, как видно, времена изменились. Святыни становятся оружием, вроде параболических аннигиляторов... Ненавижу фанатиков! Повсюду они, куда не сунься! Одни, чтобы испортить Всеобщую в контролируемой нами зоне, лезут грязными руками в сокровищницу Абсолютного Отчаяния, другие – вот, пожалуйста... – Вождь брезгливо указывает на пленного. – Изучить Метро, как никто другой в Галактике, чтобы потом сжечь бесценные знания вместе со своими мозгами. Это глупость, а не геройство. Не спорь, друг Бархатный, именно безответственная глупость. Он ведь даже с друзьями не делился секретами, хотя друзья его – наши злейшие враги. Разве что девчонка, которой ты позволил сбежать, могла что-нибудь знать, но я в это не верю...

Гость вовсе не спорит. Расслабленно щурится, застыв в позе почтительного внимания. Хозяин продолжает:

– Фанатизм съедает и нас, и наших врагов. Тебе не кажется? Быстрее, чем биокристаллические личинки съедают брошенную базу. Фанатики накапливаются в Галактике, как гной в волдыре, и когда-нибудь волдырь лопнет. Ох, как я их ненавижу...

«Прикажешь пленного усыпить?» – осторожно напоминает надстаевый.

Мальчик послушно закрывает глаза. Ему очень интересно, как можно усыпить кого-нибудь во сне, поэтому он подсматривает сквозь щелочку между веками.

– Подожди, хочу еще полюбоваться на это чудо. Зачем Неуловимому понадобилось ломать свою психику, если он и так был чокнутый? Я говорил, ведь говорил, что старик ошибается! Пытаться сделать фанатика нашим лоцманом – все равно, что Печатью гипа метить лысину... все равно, что шелудивого выстригать в надстаевые! – Великий вождь неожиданно становится весел. – Только и пользы от него – обменять на что-нибудь ценное... Не лоцман нам нужен, и даже не инкубатор, а карта. Комплект карт, друг Бархатный. В каком состоянии работы по созданию новой службы Узора?

Их Резвость, прогнувшись, чешет задней конечностью себя за ухом.

«Я скажу тебе правду, друг Гладкий. Межфрагментарных маршрутов, приносимых разведкой, недостаточно, лоцманы попадают в плен очень редко, а трофейные карты Фрагментов стыкуются между собой с большими вероятностями ошибок. Технические Входы обнаруживаются только случайно. Информационная подкладка наращивается медленнее, чем мы с тобой хотим. Я пока не понимаю Метро, великий».

И на том веселье кончается.

– Ты не понимаешь? – сдержанно спрашивает человек. – Может быть мне все-таки подружиться с кем-нибудь, кто рвется понимать больше тебя? Например, с четвертым из династии Твердолапых?

«Я заслужу твое прощение, вождь».

Мальчик открывает глаза, вновь попадая в придуманный кем-то мир.

– Зато я все понимаю! – радуется он. – Метро – это внепространственная энергетика, правильно? Вещество-волна. Входы – это преобразователи, Тоннели – это плоские волноводы, а Узлы – искривления плоскостей. Вот так.

«Я думаю, надо просто подождать, – говорит тварь, не обратив внимания на помеху. – Создать службу Узора труднее, чем разработать технологию синтеза собственных капсул. Карта будет. Я подарю тебе Метро, вождь Гладкий».

– Не получится! – опять встревает пленный. – Метро не материально, значит, Метро не существует!

Мальчик хохочет, не удержав распирающую его радость. Хохочет и хохочет, потому что он счастлив.

– О, Космос, – гадливо кривится друг Гладкий. – Хватит с меня. Эй, заткните ему пасть!

Возникает манипулятор – с механическим впрыскивателем наперевес. Пленному сделана инъекция, точно в висок.

– А мне не больно, – хвастается тот.

Вождь продолжает:

– Отправляй придурка обратно. Пусть старик займется делом, в конце концов, он больше всех мечтал взять Неуловимого живым. Пусть делает из него лоцмана, пока в Центре нам новый инкубатор не синтезировали. Я бы просто сжег мерзавца, я тоже люблю огонь...

Голос растворяется в мутном воздухе. Свет меркнет, побежденный хохотом. Сил к сопротивлению не было и не будет. Камень тянет на дно, которого нет...

15.

...сон, это камень, тянущий в глубины океана. Туда, где нет дна и берегов, нет верха и низа, а есть Десять Координат, помогающих разуму справиться с вращением бесконечной звездной воронки. И есть Центр. Именно там, в черной прозрачной воде, висит зернышко, посеянное Первым Генеральным. «И была Точка, и родилась из Точки Плоскость...» О, загадочный Первый Генеральный! Этим гениальным человеком было создано Управление, во главе которого он встал в качестве Директора. Какой мальчишка не мечтает быть Генеральным! И пусть для этого надо построить новое Управление, преодолев всеобщий разброд...

«Я, когда вырасту, буду Генеральным! – хохочет мальчик. – Я сложу из ваших кубиков новый дворец, покрепче старого!»

Зернышко прорастает, раскидывает во все стороны отростки Тоннелей, и рождается Метро, пространство скручивается в Узлы, и рождается Узор, сначала простой, но генераторы-Веретена расползаются по Галактике, наматывая тонкую ткань слой за слоем, укладывая на Плоскость Фрагмент за Фрагментом, притягивая их к Точке, и призрак становится всеохватным. Несоединимые края мира оказываются поразительно близки, и крохотная организация, названная когда-то Управлением, превращается в гигантское властное образование, каких еще не знала Галактика...

Власть – это право принимать решения за других. Право и обязанность одновременно. Как записано в Хрониках, все главные инженеры, руководящие ключевыми службами, были родственниками Первого Генерального – и это правильно! Делиться властью с кем-либо – больно, обидно, опасно, да и просто вредно для дела. Очевидно, авторитет и воля этого человека могли сломить любое недовольство или непонимание. Цель ему дали, а средства определял он сам. Когда Первый умер, новый Директор был назначен из своих же, и таким образом принцип власти определился.

Нет, все происходило не так просто, как должно было происходить. Хроники сберегли множество сюжетов, принять которые отказывается рассудок. Ненависть и смерть сотрясали Управление, прежде чем принцип власти определился окончательно. Но здравый смысл победил. Главные Инженеры Программ стали «гипами», передающими и принимающими свои полномочия по родовому праву; принадлежащие им технические службы стали «гипархатами»; и такая структура Управления как нельзя больше устроила покоренную людьми Галактику. Конечно, любому из зависимых Фрагментов гораздо удобнее платить дань, размер которой постоянен, властвующим семьям, чем иметь дело с ненасытными чиновниками, которые провалились к должности на короткое время. И все встало на свои места. И начали рождаться Истинные, поколение за поколением, и были они прямыми потомками Первого Генерального. И оттого они сделались истинными хозяевами Метро, что Генеральный отныне выбирался только из круга Истинных, и еще оттого, что каждый из гипов мечтал иметь своим наследником только Истинного. А хозяевами мира они сделались, когда Управление незаметно и естественно встало над окостеневшими трехмерными империями, оставаясь при этом сном – только сном, утянувшим рассудок в черную бездну...

«Ничего, ничего, – азартно шепчет мальчик, – мы начнем сначала. У нас все будет новое – и слова, и мысли, и люди...»

Однако история – точная наука. Понимает ли он это? Любая управляющая структура таких масштабов, какой бы «новой» ни была, разрушится неизбежно и быстро. Управление, к примеру, начало рассыпаться, едва объект был достроен. И вовсе не бесконечные конфликты между светской и технической властями тому причиной. Гипархаты Пустоты перестали расширять сеть Метро за пределы Галактики, остановившись по Окраинам, ведь централизованное финансирование прекратилось, а средства, получаемые в виде дани от зависимых Фрагмен-

тов, уходили на поддержание Тоннелей в работоспособном состоянии. Гипы один за другим отказались выполнять приказы Директората по личному составу, связанные с увольнениями и назначениями, а сделать что-либо силой было затруднительно, поскольку в каждом из гипархатов обнаружилась собственная служба безопасности. Мало того, все поголовно специалисты готовились гипархатами самостоятельно, местными службами образования, то есть инженерам со стороны нечего было и надеяться на получение сколь-нибудь значимых должностей. Структурная организация Управления дошла до логического завершения, когда ключевые подразделения – гипархаты Узора, Входов, Транспорта, Связи, – объявили монополию на свои услуги и установили куда более жесткую систему оплаты. Причем, вырученные средства решили не передавать гипархату Кассы даже в виде процентов. Таким образом, гипархат Кассы оказался ликвидирован. Финансовая политика Метро стала определяться на регулярных совещаниях, первое же из которых учредило постоянно действующую Цезиевую Комиссию, исключительно для контроля за рестрикционным и реверсионным движением платежных средств. Впервые Генеральный не был избран, и разжиревшая его служба устроила бунт, нелепый и кровавый, захватив все шестнадцать гипархатов Энергии, что едва не закончилось галактической катастрофой. Однако бунт благополучно выдохся, зато пришло время маленьких конфликтов, время личных ссор и разделов имущества, перерастающих в большие междоусобицы, и вот теперь – теперь недоделенные Узлы контролируются короткошерстными солдатами...

«Я все равно буду Генеральным!» – хохочет мальчик, решительно прогоняя сон.

Неожиданно приходит парикмахер Ласковый, щелкает огромными ножницами. Шерстяная пыль наполняет мир, лезет в горло, мешает дышать...

16.

...Свободный Охотник бурно чихает и просыпается.

Стонет.

В его ногах сидит зверь. Человек пытается приподняться, и тот пугливо отпрыгивает в сторону. На морде зверя – дыхательная маска, в лапках – модулятор. Сознание возвращается. Это очень странно, когда возвращается сознание: его не было, и вдруг оно есть, и вдруг понимаешь, что его не было, и становится страшно...

– Ты кто? – стонет Свободный Охотник. – Ты ужасно похож на...

Нет, невозможно. Тварь похожа на Ласкового. Так похожа, что мурашки по коже. «Холодно...» – шепчет герой, прошибаемый снизу доверху крупной дрожью. У шпиона был брат? Близкий родственник? Кто он, этот двойник? «Я не могу двигаться, – шепчет герой. – Мне плохо».

«Формат счастья, – вспоминает он. – С индексом „сто“. Я же идиот, поэтому мне плохо. Меня не стало. Но если я знаю, что меня не стало, следовательно я есть?»

Судя по модулятору в цепких лапах, именно тварь нейтрализовала спектро-программу. Судя по самочувствию – это произошло только что. Из носа все еще торчат усы нейро-антенн, мешают дышать. Следом за способностью мыслить восстановятся рефлексы – надо успокоиться и терпеть, надо надеяться. Несомненно одно: Свободный Охотник лежит внутри своего «Универсала». Вокруг – родной корабль, испытанный жизнью и смертью, – разграбленный, варварски обысканный, опоганенный позорным пленом...

Зверь, подкравшись, осторожно кладет боевую маску пленнику на лицо.

Отлично! Режим контроля. Жалкое подобие бортовой системы сохранено, послушно отзывается хозяину. Всеобщая, разумеется, заблокирована наглухо. Канал энергии открыт, оболочка не нарушена, но информационная подкладка пуста. Лететь можно, если безразлично, куда врезаться. Впрочем, внешний контроль и так показывает, что снаружи – вовсе не ангар, а что-то плотное, тяжелое, тесное. Не только лететь, но и взлететь нельзя. Плен.

Декодер не стерт, запускается по первому требованию!

– Ты кто?

«Ты меня не узнал, Мастер Узлов?»

– Ты похож на того, кому я обещал одежду. Но ведь он погиб.

«Я не погиб, Мастер».

– Значит, мои глаза ошиблись? Или ты меня предал, Ласковый, устроил недостойный солдата спектакль? Стой, стой, не прыгай! Ты мне обязательно все расскажешь, но сначала объясни другое. Где мы находимся?

«В летающей крепости местного гипа».

– Какой гипархат?

«Гипархат Пустоты номер сорок семь».

– Почему я в «Универсале»? Хотя, понятно, так проще и надежней. Крепость обслуживают люди или тва... или Голый Народ?

«Крепость разделена на две части. „Универсал“ поместили к Голому Народу. Дыхательная смесь снаружи непригодна для людей, но я приготовил тебе дыхательную маску».

– Как ты смог меня разбудить?

«Модулятор мне дала твоя подруга, Мастер. Название программы мне неизвестно. Если ты решишь снова усыпить себя, там есть вторая доза, особая».

«– Ты встречался с Хозяюшкой?»

«Она спасла меня, нашла на свалке в Депо».

– Что ж, это многое объясняет. Где она теперь?

«Твоя подруга не могла сюда проникнуть, здесь она слишком заметна. Ее корабль ждет нас на границе с Пятидесятым».

– Прекрасно. Повзрослела девочка, не рискует попусту. Как ты нашел меня?

«Оказалось, что тебя охраняют хуже, чем ты заслуживаешь, как будто ты никому и не нужен. Прости, хозяин. По стаям прошел слух, что поймали великого гипа. Я восстановил прежние связи среди контрабандистов, предложил выкрасть великого гипа, и мне помогли. На это ушел весь запас валерианового концентрата...»

– Я никогда этого не забуду, Ласковый. Правда, спрашивал я тебя вот о чем: как ты вообще узнал, где меня искать?

«Твоя подруга указала точные координаты. Дала мне такие хитрые маршруты, что никто не обнаружил мою капсулу».

– А она как узнала точные координаты?

«Она постоянно следила за каким-то роботом-истребителем».

– Что? – изумляется Свободный Охотник. – Что ты сказал?

Герой смеется. Герой давится, захлебывается смехом, освобождается от проклятых ненавистных звуков, делавших его идиотом:

– Значит, твари не сообразили сбросить свой же кодированный маяк? Ну, раззявы! Ну, балбесы!

Он хватается рукой за боевую маску, плотнее прижимает волоконный интероцептор к глазам. Действительно, смертоносный аппарат, насквозь изъеденный инфо-грибком, как ни в чем не бывало занимает отведенный ему объем!

И вдруг герой понимает, что способен двигаться.

Он вырывает из носа антенны и вставляет их обратно в модулятор. Можно жить! На пальцах – следы крови. Он выползает из вскрытого кокона, принимает вертикальное положение. Дыхательная маска – раз; оружие – два; что еще? Что еще взять с собой?

– Я готов, – говорит Свободный Охотник. – Где твоя капсула, Ласковый?

Однако красивый побег приходится отложить, потому что шлюз открывается самостоятельно. В «Универсал» входит новый гость. Это человек – старый, седой, неторопливый, – сбрасывает на грудь дыхательную маску. Богатая одежда. Перламутровая прядь в ухоженных волосах.

– Итак, ты выздоровел, – удовлетворенно кивает старик. – Наконец-то мы можем беседовать.

– Мы незнакомы, – с достоинством отвечает Свободный Охотник. – Незнакомым людям трудно беседовать о чем-нибудь серьезном.

Гость соглашается.

– Я – главный инженер программы «Пустота», мой титул – Сорок Седьмой. А твой знак мне известен, Истинный. Мало того, ты удивительно похож на своего отца. Когда-то я знал его, можно сказать, мы дружили с ним, дружили и семьями, и империями, но впоследствии...

– Что – впоследствии?

– Теперь это неважно, мальчик. У нас с тобой очень мало времени.

Включается декодер – на полную громкость:

«Хозяин, берем его с собой!»

Ласковый замер в боевой стойке: прижимается к полу, оскалившись, напрягинив лапы, выгнув спину, и на спине его пучится горб микроформатного позитронного генератора, схваченного ремешками под брюхом. Короткое убийственное жало неотрывно следит за вошедшим.

– Тесновато здесь, – гость спокойно озирается. – А этот зверек, значит, твой друг? Хороший друг. Я распорядился, чтобы ему не мешали тебя повидать, чтобы не вспугнули раньше времени. И аннигилятор у него хороший, мощный. Хотя, должен предупредить, сна-

ружи довольно много бойцов Голого Народа, а сам я не ценю собственную жизнь даже в одну Неделимую – или «монаду», как теперь принято называть платежные средства. И еще, мои юные враги. К сожалению, кровь у меня меченая, испорчена тварями почти пятнадцать Единиц назад, ее очень легко засечь по Всеобщей. Я – живой маяк, так что плохой из меня попутчик.

– Мою кровь тоже испортили? – спрашивает Свободный Охотник.

Человек улыбается.

– Не стоит волноваться, это весьма дорогая операция. Слишком дорогая, чтобы на тебя тратились. Ты для моих подстриженных друзей, увы, пока абсолютно бесполезен. Я даже удивлен, что тебе до сих пор сохраняют жизнь. Ведь поначалу мне стоило большого труда убедить их, что гораздо выгоднее Неуловимого не уничтожить, а купить или запугать, любым способом заставить Неуловимого поработать лоцманом. Хотя, я-то лучше всех понимал, насколько мало шансов...

– Нас сейчас видят? – перебивает его Свободный Охотник.

– Поначалу тебя контролировали непрерывно. Зверюшки опасались, что ты притворяешься. Но теперь они успокоились и отстали от тебя, один я остался на посту, ведь твоя ценность для них и для меня несопоставима... Ты еще так молод, сын гипа. Сколько тебе Единиц?

– Двадцать, гип.

– Надо же. Бывают же совпадения... Моему сыну также было двадцать Единиц, когда его отняли у меня. Мне иногда показывают его по Всеобщей, когда в очередной раз хотят моей помощи, даже поговорить чуть-чуть позволяют. Он уже совсем взрослый, ему тридцать пять.

– Твоего сына держат в плену, как заложника?

– Очень точная формулировка.

– А других членов семьи?

– Когда-то была жена, но она убежала, оставив записку всего лишь с двумя словами: «Гип Трусости». А я сделал все возможное, чтобы посланная вдогонку свора сбилась со следа, чтобы хоть жена спаслась, гордячка моя, и в результате потерял ее навсегда. Других членов семьи, к счастью, не имею.

Свободный Охотник садится обратно в кокон: ноги плохо стоят. Зато голос его упруг и подвижен:

– Спасибо, гип, твоя информация столь же ценна, сколь и неожиданна. Кстати, было еще упомянуто, что у нас мало времени.

– Да, мальчик, ты прав. Неизвестно, до чьих ушей успел дойти слух о твоём чудесном выздоровлении. Я принял меры, чтобы эта новость застряла в моих куполах, но с тварями ничего нельзя гарантировать. Впрочем, ты, наверное, имеешь в виду, что я неподобающе много говорю? Просто я хочу искренности, когда настанет твоя очередь говорить. В отношении меня ты вряд ли ошибаешься, это очевидно. Молодые солдаты не умеют прятать взгляд. Итак, я предатель, который был гипом Пустоты номер сорок семь, а стал гипом Трусости, пусть и вынужденно. Однако я совершенно искренен. Теперь решай: ответишь ли ты на мои вопросы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.